

**МИССИЯ
ВЫПОЛНИМА**

**ВАЛЕРИЙ
Киселёв**

РЕКВИЕМ "ВЫМПЕЛУ"

ВЕЖЛИВЫЕ ЛЮДИ

Валерий Юрьевич Киселёв
Реквием «Вымпелу».
Вежливые люди
Серия «Миссия выполняема»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50638024
Реквием «Вымпелу». Вежливые люди: Вече; Москва; 2019
ISBN 978-5-4484-8111-6

Аннотация

Спецподразделение КГБ СССР «Вымпел» – это сила самостоятельно мыслящая, принимающая порой очень непростые решения, а иногда и единственно возможные. Сила совестливая, примеров этой высшей чести много: события у Белого дома, Тбилиси, Баку. Рассказать с большей достоверностью вряд ли возможно, ведь автор Валерий Кисёлев – непосредственный участник описанных событий.

Содержание

С легендой, придуманной для службы	5
О названии этой книги	8
Энциклопедическая справка	10
Часть первая. В поисках знаков препинания	12
Часть вторая. В лесу	57
Часть третья. Колодец	122
Исповедь советского офицера	122
Засада	122
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Валерий Киселёв
Реквием «Вымпелу».
Вежливые люди

© Киселёв В.Ю., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

С легендой, придуманной для службы

Осенью 2013 года и весной 2014-го я побывал в Первом пограничном кадетском корпусе имени Героя Советского Союза, генерала армии Вадима Александровича Матросова, расположенном в Царском Селе. Фотографировался с воспитанниками у бюста Матросова, встречался с ними на Уроке Мужества.

Готовя этот материал, вспомнил, что именно бывший начальник Пограничных войск КГБ СССР и стал крёстным отцом автора документально-художественного исторического повествования «Реквием „Вымпелу“. Вежливые люди» Валерия Юрьевича Киселёва, ныне полковника запаса.

А ещё я неустанно размышлял: вот эти ребята пришли на смену тем, кому страна доверяла свои луга и реки, горы, поля, леса... И, может быть, кто-то из нынешних кадетов встанет в строй такого же подразделения «Вымпел», которое, вероятно, есть или обязательно будет. Ведь без специалистов высочайшего класса немыслимо решение политических и военных задач в нынешнем взрывоопасном мире. Не исключаю, что среди кадетов есть и те, чьи отцы и деды причастны к событиям, скрупулёзно воспроизведённым талантливым пером писателя Киселёва.

Как писателю и профессиональному военному, мне было интересно увидеть, что автор взял на вооружение и философскую сказку, и мистическую притчу, и повесть, и новеллу, и прозаические поэмы, закольцевав все их в слово «реквием». Такое жанровое разнообразие говорит не только о военном писателе, многое повидавшем на своём веку, но и о литераторе, стремящемся не утомить читателя крупным произведением, а придать ему свою полифонию и свой почерк.

Серьёзная по объёму и событиям, количеству персонажей, географических точек книга Валерия Киселёва становится, по сути, уникальным учебником для спецназовцев, тем кладезем мудростей, которые почерпнуты из светлых глубин душ настоящих офицеров и учителей. Людей, которые иногда долгие годы не могли показать своего лица, рассказать о том, какой ценой решались поставленные перед ними задачи в разных странах мира. Это таким, как полковник Бояринов, не ставили на могильных плитах точную дату гибели; это им, спасшим Краков от фашистского уничтожения, ставили памятники; это о них звучит песня «Стоит над горою Алёша...» Это о них поэтическое исповедальное произведение Валерия Киселёва «Реквием “Вымпелу”. Вежливые люди».

Недавно мне посчастливилось присутствовать на торжественном собрании, посвящённом 45-летию создания КУ-

ОС¹. Я увидел убелённых сединами ветеранов, услышал здравицы и песни, посвящённые людям с легендами для службы. Они и сами есть те легенды, о которых взялся рассказать их собрат по специальной разведке, полковник запаса В. Киселёв. И радостно, что из небытия выходят события и фамилии, долгие годы, жившие под грифом «секретно».

Очень хочется, чтобы данное произведение попало в руки тех, кто начинает свою службу, примеряет офицерскую форму. Опыт, изложенный в «Реквиеме...», поможет им менее болезненно преодолеть те испытания, которые приходятся на долю служивого человека. Ибо за этим опытом – человеческие судьбы и жизни.

*Владимир Силкин, заместитель председателя Правления
Московской городской организации Союза писателей России,
лауреат Государственной премии России, заслуженный
работник культуры РФ, начальник Военно-художественной
студии писателей Культурного центра имени М.В. Фрунзе
Вооружённых сил Российской Федерации*

¹ Курсы усовершенствования офицерского состава. Учебное заведение Первого главного управления (разведка) КГБ, созданное в 1967 году (официально в 1969). Прототип «Вымпела». Практически под этим названием существовало подразделение спецназа ПГУ. Все преподаватели были подобраны с учётом возможности и готовности выполнить любую задачу в любой точке мира.

О названии ЭТОЙ книги

*«...Слово «реквием» – это мысли о лучших годах,
о несбывшейся мечте.*

Это целая Ода, посвящённая памяти героев...»

Название «реквием» в книге соответствует переносному значению данного слова. Даже трудно представить другое название. Это попадание в десятку! Уже нет такого отряда «Вымпел», о котором с большой любовью и душевной болью пишет автор. Бойцы того легендарного подразделения живы и сегодня и служат Родине во многих городах нашей страны. И это не печаль об ушедшем времени, это – радость воспоминания лучшей жизни!

Мне не раз приходилось быть свидетелем встречи ветеранов «Вымпела» в Москве, Калининграде, Владивостоке, Находке, Перми и даже в Праге. Трудно описать выражение глаз, эмоции этих людей. Они даже обращаются часто друг к другу словом «брат». И именно они сегодня, живые, целеустремлённые и убеждённые в справедливости своей службы Отчизне, скорбят, что их мечта не нашла продолжения в современной России...

«Вымпел» в их жизни останется навсегда как память о молодости, братстве, верности своему долгу, о погибших и умерших товарищах.

Реквием – память о том, что никогда уже не повторится, память о доблестном прошлом. И эта память останется на страницах книги. Я думаю, что «вымпеловцы» ещё будут возвращаться к этой теме множество раз и их дружба и верность друг другу не забудутся и не пройдут никогда.

Эта книга представляет большой интерес для жён, родителей (некоторые, возможно, и не знали подробности службы «вымпеловцев»). В воспитательном плане эта книга нужна молодому поколению – детям, внукам.

Только «Реквием»! – таково мнение «деда»².

*Савинцева Светлана Александровна, супруга ветерана
разведки полковника*

Е.А. Савинцева

² «Дедом» между собой звали офицеры «Вымпела» Евгения Александровича Савинцева, человека, принявшего непосредственное участие в организации, формировании и комплектовании «Вымпела». За плечами супругов Савинцевых – 55 лет совместной жизни!

Энциклопедическая справка

Первоначально слово «реквием» означало:

- 1) богослужение по умершему;
- 2) траурное вокально-музыкальное произведение.

Но развитие светской музыкальной культуры, в том числе оперного искусства, сказалось на дальнейшей эволюции этого слова. Постепенно оно перешло в концертную практику: Бетховен, Лист, Гуно, Моцарт...

Реквием сочиняли не только для церкви, нередко по заказу – как частных лиц, так и государственных мужей, а также по причине личных утрат композиторов (Дж. Верди, И. Брамс и др.).

В советской музыке «Реквиемом» называли вокально-симфонические произведения с русским текстом, посвящённые памяти героев. Постепенно это слово стало употребляться в переносном смысле: память о прошедших годах, о любви, о лучших годах, о несбывшейся мечте и т. д.

Уже очень давно слово «реквием» широко известно и часто употребляется в произведениях не только музыкальных. Примерами может служить и довоенный «Реквием» А. Ахматовой (поэма), и «Реквием» Р. Рождественского 1962 года (поэма), и «Реквием оптимистический» А. Вознесенского 1970-го года (стихотворение), и фильм «Реквием мечте» (США), и «Реквием по науке» (статья в журнале «На-

ука и жизнь») и т. д.

Но всё же наиболее популярным это слово продолжает оставаться в музыкальных произведениях, и, как подтверждение этому, – песня на стихи Марины Цветаевой «Реквием по мечте». «Я обращаюсь с требованием веры и с просьбой о любви» – что это, если не реквием?!

Поэтому «Реквием...» – это мысли о лучших годах, о несбывшейся мечте, о потерянной любви... Это Ода, посвящённая памяти героев.

Часть первая. В поисках знаков препинания

*Посвящается офицерам ОУЦа³:
Виктору Ирванёву, Алексею Коржавину,
Владимиру Звереву, Юрию Скороходову*

Наши обычаи не имеют ничего общего с правилами иных времён, и поэтому о победах многих людей можно сказать так: «Да, ты велик, но лишь по сравнению с такими же другими, а не по сравнению с собой, прежним... Когда ты совершал свои настоящие подвиги!»

Эта мысль прокручивалась в моей голове, не давая покоя. Я не мог до конца понять, как это относится ко мне? С такими думами меня буквально «поймал» мой начальник отдела на одном из поворотов трёхкилометрового круга для кроссов.

– Давай, срочно к командиру... Прямо так, не переодеваясь.

Я, не останавливая свой бег, завернул к штабу и через минуту заскочил в кабинет к Хмелёву.

Комната была большая. Мне всегда казалось, что она была слишком тёмная и мрачная. Несмотря на два окна, света в

³ Отдельный учебный центр – легендированное название группы «Вымпел».

ней было мало. Накуренный, спёртый воздух ударил после морозного леса в нос так, что перехватило дыхание.

Наш командир, контр-адмирал Хмелёв, был человеком опытным и мудрым. После его назначения мы были польщены, что разведчик такого высокого оперативного мастерства будет командовать нами. Мы все, конечно, были в душе войны-спецназовцы, но тянулись к оперативному искусству как к лучшей защите во время наших боевых операций. И когда мы узнали, что Владимир Александрович был в прошлом резидентом советской разведки в Японии и проработал там очень длительное время, мы были удовлетворены. Значит, и направление деятельности подразделения будет агентурно-оперативным.

– Заходите и присаживайтесь, – встретил меня контр-адмирал. Человек общительный и внешне дружелюбный, он быстро находил общий язык с подчинёнными. – Как дела? Как идёт подготовка в вашей группе?

Я абсолютно не понимал: «Чего это он от меня хочет? Почему спрашивает про мою группу? Неужели кто-то «залетел»? И стал осторожно докладывать о ходе подготовки.

– Сейчас идёт отработка слаженности группы в наружном наблюдении. Ходим за учебными объектами. Одновременно отрабатываем операции по связи в городе, готовим тайниковые операции. Все отчёты о работе в штабе. А что, что-то случилось? – не выдержал я.

– Нет, нет! Всё в порядке, – затягиваясь сигаретой, прого-

ворил Хмелёв. – Мы просто ждём ещё людей.

У меня отлегло от сердца. От срочного вызова к командиру обычно ничего хорошего не ждёшь.

Пока я раздумывал над этим, в кабинет заглянули два офицера из соседнего боевого отдела: Юра Скороходов и Валера Первушкин. Это были два наиболее подготовленных боевика. Оба физически крепкие, подтянутые и выносливые. Первушкин вообще был уникальным – при всех его лучших профессиональных качествах – это ещё и образец фигуры древнего гладиатора. Но главной ценностью было то, что они служили в последнем составе «Каскада»⁴ и показали очень неплохие результаты работы. Можно было сказать, что они были специалистами по Афганистану.

– Ну вот, теперь все в сборе, – начал командир, поздоровавшись за руку с не менее удивлёнными ребятами: «Чего это нас так срочно вызвали?» – и продолжил:

– В Сочи отдыхают семьи руководства, первых лиц Демократической республики Афганистан. Жёны с детьми, братья руководителей партии, ХАДа⁵, Царандоя⁶, Министерства обороны. Прилетели они на личном самолёте нашего председателя КГБ двадцать дней назад. Завтра на этом же само-

⁴ «Каскад» – легендарное название группы специального назначения КГБ СССР при действиях в Афганистане.

⁵ Служба государственной безопасности в Демократической Республике Афганистан.

⁶ Органы и войска внутренних дел Демократической Республики Афганистан.

лёте должны возвращаться в Кабул. – Хмелёв встал и всё же приоткрыл форточку, впустив немного свежего воздуха. Сел опять за стол и продолжил:

– По оперативным данным ХАДа (местный КГБ), два или три неустановленных родственника из этой отдыхающей группы собираются во время перелёта из СССР в Афганистан захватить самолёт и угнать его в Пакистан, а там выдвинуть требования под угрозой убийства всех, кто находится на борту.

Вам необходимо сопроводить этот самолёт и не допустить захвата. Получаете командировочные и деньги в ФИНО, указание я уже дал. Необходимые средства, оружие подготовит Гурьянов. Он тоже ждёт вас. И на моей машине через час выезжаете в аэропорт. Далее... самолётом в Сочи. Там вас уже ждёт наш представитель КГБ в Афганистане Михаил Сергеевич... Старшим назначается... – адмирал ткнул пальцем в меня и назвал мою фамилию.

Я напрягся и выпрямился. Такого уровня задач у меня ещё не было. Да и понятия, как их решать, пока тоже не имел. Я лишь сказал: «Есть!» И задал не самый умный вопрос, потому что, если не сказал, значит...

– Владимир Александрович! Известны ли точнее фамилии тех, кто собирается захватить самолёт? Есть ли у них какое-либо оружие? И, в случае действий с их стороны, что нам с ними делать?

Хмелёв встал из своего кресла и пересел поближе к нам:

– Никакой другой информации у меня нет... Там, – он показал куда-то вверх, – это воспринято как серьёзная угроза. Решено задействовать нас... Мы, посоветовавшись, выбрали самых... короче, вас. Будете разбираться на месте. Времени нет.

Мы встали и направились к выходу.

– Задержись на минуту, – окликнул меня адмирал. И когда мы остались одни, проговорил:

– Надо всё сделать без стрельбы, кульбитов и драки. Во-первых, если произойдёт так, что самолёт с семьями окажется в Пакистане, то все наши усилия в Афганистане за последние годы окажутся малоэффективными. Как ни крути, так и этак, но очень непростая ситуация. Если кто-то пострадает из детей или жён кого-либо из их правительства, внутренний конфликт между ними в борьбе за власть разгорится ещё сильнее. Они и так друг друга ненавидят и боятся...

Хмелёв стоял рядом со мной, положив мне руку на плечо, пытливо заглядывая в глаза. До этого у меня никогда не было такого близкого и откровенного общения с командиром. Многие наши офицеры говорили, что он очень осторожен, «как старый опытный лис». Он никогда не ошибается и никогда не сделает неосторожного, неправильного шага. И теперешние его слова подтверждали, что он действительно мудр и осторожен. «Лучше не сделать никакого шага, чем сделать ошибку. Имей это в виду... Никто из нашего руководства не может точно посоветовать, как выйти из столь пи-

кантной ситуации...»

– А если просто отменить рейс или разделить пассажиров?..

– Проблема в том, что информация непроверенная и неподтверждённая. Может быть это деза? И нашими руками хотят решить какие-то свои проблемы. А начнёшь дёргать семьи, допрашивать, проверять, там посчитают, что не доверяют им... – адмирал отошёл от меня и направился к своему столу. Взял сигарету и опять закурил. Я остался стоять у двери.

– Понимаешь, надо не ошибиться...

– Экипаж предупреждён?

– Нет!

– Надо бы предупредить... А то керосина до Пешавара у них вдруг не хватит? Что будем тогда делать?

– Ну, ты посмотри, он ещё шутит! – засмеялся Хмелёв. – Там, в Сочи, вас ждёт Михаил Сергеевич, очень опытный человек, я его хорошо знаю. Он летит вместе с вами в Кабул. Но в том деле, которое поручено вам, – именно силовое прикрытие, – он ничего не понимает. Но всё равно советуйся с ним и решайте на месте. Удачи! – И ещё раз пожал мне руку.

Выскочив из кабинета, я помчался в ФИНО. Юра и Валера, получив уже и командировочные предписания, и деньги, ждали меня у двери начальника, ведающего финансами:

– Какие указания, командир? – спросил Юра. У нас с ним давно уже сложились дружеские отношения. Но мы были из

разных отделов и в футбол на нашем стадионе «имени Васильева» играли всегда за разные команды. Присутствовал определённый дух соперничества. Поэтому и вопрос его, как мне показалось, звучал иронично. Командиром быть я пока не привык.

– Что будем с собой брать? Подумали? – вопросом на вопрос ответил я. И, не дождавшись ответа, заскочил в кабинет за командировочными удостоверениями и деньгами.

В крохотном кабинете меня уже ждал Николай Николаевич, наш финансист. Молодой, энергичный, больше худой, чем стройный, он всегда при встрече с офицерами оперативно-боевых отделов светился, как лампочка. Чувствовалось, что ему было лестно и приятно общаться с любым из нас. Более честного и профессионального финансиста я ни до этого, ни после этого никогда не видел. Ходили легенды о его щепетильности и ответственности. Работал он один. Вёл всю бухгалтерию, расчёты зарплаты и оплаты всего хозяйства центра. Как он умудрялся справляться со всем этим, это до сих пор загадка. Работоспособности он был уникальной. Честности и ответственности – просто сказочной. Однажды, рассказывали, он в расчётах по деньгам сделал какую-то ошибку. Долго искал, перепроверяя себя, и нашёл причину, где изъян. После чего издал приказ и наложил сам на себя взыскание. Это было действительно, как в сказке... Начальник тыла – Гурьянов, который к тому времени уже не один десяток лет прослужил в хозяйственных подразделениях, гово-

рил про него: «Если бы у меня в пограничном отряде был бы такой финансист – я бы горя не знал». Николая уважали все. Его нельзя было убедить сделать что-либо неправильно. И он никогда ничего не делал не вовремя. Он всё успевал. Иногда он вырывался поиграть в футбол, – именно теперь почему-то я вспомнил об этом. Стало приятно, что играли мы с ним всегда за одну команду.

– Эх, Сочи, Сочи! На две ночи! – проговорил он, увидев меня на пороге кабинета. – Получите и распишитесь. Как всегда, у вас такая спешка... Удачи!

– Спасибо, Коля, прорвёмся!

Уже вместе с Юрой и Валерой, направляясь к начальнику тыла, на ходу обсуждали, что необходимо иметь с собой в полёте.

– Мне с вами хорошо, – говорил Юра, растягивая слова, и, как мне казалось, совершенно не по теме. – Где бы я ни стоял, всегда между двух Валер. Значит, мне повезёт... Берегите меня. Здесь всё, что нужно, командир. – Он вытащил листок бумаги и передал мне. Я стал читать вслух:

– Пистолеты, патроны специальные, ящик для улавливания и нейтрализации гранаты или взрывчатки, бронежилеты...

– Всё учтено, командир, – продолжил Юра, – кроме того, мы уже с «братом», он, конечно, имел в виду своего Валеру, от дежурного позвонили по ВЧ-связи в Кабул. Через наших попросили предупредить моего друга, командира Ка-

бульской роты спецназа ГРУ, чтобы наш самолёт, на всякий случай, встречали прямо на взлётной полосе... А то, мало ли какие у «подсоветных» там разборки по приезде начнутся...

Я с благодарностью подумал: «Молодцы, ни минуты зря не провели. Повезло, что в команде именно они...»

Зашли в финский домик к начальнику тыла. Маленький, зелёный, укрытый деревьями дом находился совсем рядом, прямо напротив штаба.

– Владимир Карпович! – начал я. – Мы в командировку. Надо бы кое-чем запастись...

– Всё знаю, ребята, – прервал меня Гурьянов. – Давайте списки, что вам необходимо. Подготовили?

Он был значительно старше нас и годился нам в отцы. Мы с почтением и сыновним уважением относились к нему. Всегда выдержанный, спокойный, очень интеллигентный и обходительный. Я знал, что он начал службу простым солдатом на заставе, потом – сверхсрочником, был и начальником заставы. Боевой, строевой офицер. Последние лет двадцать занимался организацией работы тыла в пограничных отрядах. Служил даже в отдельном Арктическом отряде. Поскольку я сам был в прошлом пограничником, моё отношение к нему было особенно почтительным.

– Ну, всё, идите, – проговорил он, насупив черные брови и подняв на нас карие глаза. – Через двадцать минут принесут в вашу дежурку, в Первый корпус... Только прошу, не забудьте расписаться, я за такие штуковины потом век не рас-

плачусь, – и, пожав нам руки, добавил:

– Удачи вам, ребята!

Гурьянов был заместителем Хмелёва и, кроме того, находился в хороших дружеских отношениях с адмиралом – естественно, он был проинформирован о сути нашей командировки. Поэтому и лишнего времени в его кабинете мы не потеряли.

– Идите, идите. Всё будет нормально, выпроводил нас полковник.

Вообще, всю верхушку ОУЦа мы наблюдали перед обедом. Офицеры боевых отделов часто видели группу наших командиров во главе с адмиралом, в середине дня направляющихся по лесным дорожкам в сторону столовой. Зимой – все в лёгких куртках, летом – в костюмах. Эта компания почти никогда не менялась. Впереди шествовал адмирал с Гурьяновым, а чуть сзади – начальник штаба, кадровик, начальник политотдела и начальник вооружения. В хорошую погоду они после обеда, покуривая, продолжали обсуждать важные вопросы руководства.

Около входа в первый корпус мы увидели уже подкатившую чёрную «Волгу» адмирала. «Да, меня так никогда не провожали, – думал я, – видно настало время, когда и мы становимся действительно нужными и востребованными...»

Первым делом я зашёл в кабинет к Розину.

– Валерий Витальевич, был у Хмелёва, – начал докладывать я.

– Не тратьте времени, – прервал меня начальник отдела, – я всё знаю, и именно вас я предложил для решения задачи. В помощь – два очень надёжных офицера. Главное, не ошибитесь в определении противника. И ещё, командир... – Валерий Витальевич подошёл поближе и, склонившись к моему уху, зашептал:

– Уверен, я изучил афганцев, скорее всего, здесь какая-то подстава. Нашими руками они хотят убрать кого-то из родственников Наджибуллы⁷. У Скорика, начальника представительства в Афганистане, скорей всего фамилии якобы злоумышленников, – есть... Он сам лично летит с вами и уже находится в Сочи. Я думаю, и Хмелёв эти фамилии знает, но – не сказал... Не спешите делать вывод, что это неправильно. Отнеситесь к делу творчески. Если не сказал, значит, не верит, что это правильная информация. Это может быть подстава. А вам лишняя информация может помешать... Почему говорю я тебе? Почему не сказал тебе об этом Хмелёв? – Розин помолчал, прошёлся по своему крохотному кабинету и сказал:

– Потому что я тебя лучше других знаю и уверен, это тебе не только не помешает, но и подскажет верные решения. У нас сегодня ставка на Наджибуллу больше, чем на Бабрака. Сломаем игру, запланированную сверху, – нам не простят... Постройте правильные отношения со всеми пассажирами на

⁷ Мохаммад Наджибулла – афганский государственный и политический деятель, президент Афганистана (1987–1992).

борту. На самолёте могут быть враги, но нельзя ошибиться. Заподозрив кого-либо из верных сторонников председателя партии и не получив в последующем подтверждения этого, тем самым оскорбим... Это приведёт к большим проблемам. Расставьте правильные знаки препинания в этом предложении...

Разговор с Розиным из колеи меня не выбил, но озадачил основательно. С одной стороны, надо не допустить захвата, а значит, всё проверить, перевернуть, перешерстить, заглянуть, если надо, даже в трусы... А с другой стороны – никого не разозлить и не оскорбить недоверием. Каждый из родственников может быть очень влиятельной фигурой.

* * *

Через тридцать минут мы выехали через наш КПП, «проходную возле ДорНИИ»⁸, и покатали по Горьковскому шоссе... Машин на дороге в это время мало, и водитель, притормаживая только на светофорах, меньше, чем за час, доехал до Шереметьево. Как быть дальше, прапорщик, который возил адмирала, знал досконально, поэтому уверенно заехал через ворота прямо на стоянку и подрулил к самолёту.

С виду – гражданский борт с опознавательными знаками «Аэрофлота». Это личный самолёт председателя КГБ. При-

⁸ Дорожный научно-исследовательский институт.

ехали даже раньше срока, экипажа ещё не было. Сидели в машине и наблюдали, как техники суетились вокруг самолёта... Разговаривать не хотелось, тем более, по соседству прогревали самолёт. Рёв стоял такой, что не слышно было даже собственного дыхания. Минут через двадцать от «нашего» самолёта прибежал человек в авиационной куртке и стал что-то кричать. Слов его слышно не было, но по знакам поняли: приглашает на борт.

В салоне было уютно, тепло и намного тише. Самолёт разделён на два отсека. Первый, рядом с кабиной экипажа, – с мягкими диванами, большими столами – был явно предназначен для председателя. Второй салон, с рядами обычных авиационных кресел, – для всех остальных.

– Мы будем лететь в первом салоне – распорядился я.

– Подойдите к командиру корабля, – обратился ко мне один из членов экипажа, наверное услышав мою фразу в отношении «бронирования» мест.

Я зашёл в кабину и обратился к человеку, сидящему на командирском кресле:

– Здравствуйте! Вам что-нибудь говорили про нас?

Он оглядел меня, продолжая щёлкать тумблерами, и снял наушники:

– Говорили, что вы из учебного центра и полетите с нами до Сочи, а потом до Кабула... Что у вас в багаже?

Когда я перечислил наш груз, глаза его округлились, и он, встав с кресла, вышел ко мне:

– Кто вы такие? Что за такой учебный центр? На самом-то деле... Что за дерготня сегодня целый день? Со всех сторон мне сыплются какие-то непонятные распоряжения... А потом, ещё... С вами будут ангелы-хранители... Это вы, что ли, ангелы... с гранатами?

– Прилетим в Сочи – надо будет поговорить перед завтрашним рейсом... Я же так понимаю, вам сейчас не до нас? – И, глядя ему прямо в глаза, сказал: «Вы сразу только не напивайтесь...»

– Это кто напивается? – вспыхнул командир. – Если хотите знать, мы вообще не пьём!

– И возим отдыхающих в Крым...

Командир на меня так посмотрел, что я понял: «Сейчас разговора не получится. Видно, у него такие неприятности, что нас он переварить уже не в состоянии...»

Пока летели до Сочи, стали тренироваться в салоне самолёта. Что, если два или три человека будут прорываться в кабину экипажа через салон первого класса? Где разместить ящик-ловушку? Где сидеть и какую при этом выбрать маскировку поведения? Варианты нашего поведения... Потом перешли в общий салон. Несколько человек, летевшие на борту, с ужасом наблюдали за нашими действиями, пытаясь при этом делать вид, что это их не интересует.

План действий у нас был готов, и мы даже успели поспать.

Сочи встретил тёплой декабрьской погодой. В отличие от Подмосковья, где уже давно лежал белый снег и природа бы-

ла разукрашена, как зимняя предновогодняя сказка, здесь всё было по-другому. Тепло. Солнце. В некоторых местах, несмотря на жёлтую, опавшую листву, зимнюю серость и унылость, всё же зеленели пальмы. Дышалось морским воздухом легко. Угрюмое и всегда прекрасное море неспешно и бурливо билось у наших ног. На огромном градуснике отображалась температура воздуха – двенадцать градусов, воды – тринадцать.

– Я пойду купаться, – сказал Скороходов, – быть в Сочи – и не искупаться... – И он начал раздеваться, намереваясь залезть в воду.

Над водой летали последние запоздалые чайки, и день уже клонился к ночи. На меня как-то само собой накатила тоска по спокойной и мирной жизни. В голову прилетели поэтические образы: «Море – это улыбка природы. Волны делают эту улыбку играющей, а чайки над просторами воды придают этой улыбке загадочность и неповторимость...»

– Купайся, Юра, купайся! А мы посидим, подышим морским воздухом...

– Вас просят пройти в кабинет начальника санатория, – оторвал меня от созерцания купающегося Юры человек в белом халате, – я провожу...

В кабинете нас ждал представитель КГБ в Афганистане полковник Скорик. При нашем появлении он заканчивал разговор с кем-то по ВЧ-связи⁹. Положив трубку, поздоро-

⁹ Высокочастотная связь.

вавшись с нами, сказал:

– Меня зовут Михаил Сергеевич.

Мы представились. Полковник с любопытством рассматривал нас. Он разглядывал наши фигуры, как мне показалось, даже чересчур удивлённо. Как будто бы ждал от нас, минимум, прямо сейчас, какого-то чуда или, по крайней мере, фокуса. Уставившись на Юру, представшего перед взором в мокрой одежде, он только молча шевелил губами.

– Не успел обсохнуть... я купался... в море...

– Купался? Ну да, да, конечно... Мне говорили, что вы... – Он не стал заканчивать фразу и перешёл к делу.

Маленького роста, щупленький, с редкими волосами, зачёсанными на пробор, он был немногословен:

– Я в последнее время работал в Европе. Афганистан для меня – новое место. Общую ситуацию вы знаете? Что вы думаете об этом?

– У вас, Михаил Сергеевич, есть фамилии тех людей, которые предположительно могут быть потенциально опасными? Кто всё же представляет для нас наибольший интерес?

– Вот списки всех пассажиров, – представитель КГБ раскрыл перед нами папку. В ней было несколько телеграмм, других бумаг и список с указанием родственных отношений членов правительства Афганистана... Жена, дочь, ещё дочь, сын, двоюродный брат секретаря ЦК; жена, сын, сын, дочь, племянник, брат министра... И так далее, на тринадцати листах. Всего шестьдесят два человека. Затем, на отдельных

страницах, шли описания мужчин и некоторых женщин, и – кто чем занимается, кем работает. На некоторых даже были какие-то подоби́я характеристик на фарси, переведённые на русский. Но этих справок на взрослых явно не хватало.

– А на остальных?

– Собрали всё, что смогли. Информация пришла всего сутки назад, ну, чуть больше суток...

Мы долго сидели с Валерой и Юрой, изучая фамилии и характеристики людей с рейса. Пытались даже что-то пометать в своих записных книжках. Скорик нам не мешал, продолжая звонить по телефону, и разговаривал то с Москвой, то с Кабулом. Прошло примерно часа два...

– Ну, какие мысли возникают по ситуации? – наконец не выдержав, спросил Михаил Сергеевич. – И вряд ли к моменту вылета у нас появится информация, кроме этой, – он прихлопнул бумаги, как будто бы убил муху.

– Первое, – начал я докладывать уже сформировавшийся до этого план, – в аэропорту, на контроле, при посадке необходимо тщательно проверить вещи пассажиров... Но это понятно и без нас, важно одновременно вести психологическое изучение всех мужчин во время досмотра... всех, даже мальчиков старше десяти лет... Их у нас получается... Все мы, четверо... – я стал считать количество.

– Четверо? – Скорик оглядел нас троих.

– Да, да вы тоже, – ответил я на его вопрос. – Прошу, помогите нам. Ваш опыт оперативника... да вообще, взрослого

человека. Вы по-другому смотрите на людей... Если кто-то из наших пассажиров будет нервничать, вести себя как-то не так, вы увидите то, чего не заметим мы...

– Хорошо, – неуверенно произнес полковник.

– Второе, – продолжил я, – после посадки в самолёт объявить задержку по метеоусловиям, и, после выхода пассажиров, мы осмотрим салон...

– Зачем?

– Ну, мы можем чего-то не найти... На женщинах и детях много одежды... Кроме того, возможны сообщники в аэропорту...

– Самолёт стоит на спецстоянке и хорошо охраняется.

– Один из моих друзей говорит: «Осторожность – мать фарфоровой посуды!»

– Чего-чего мать?.. Посуды?.. Ха! Хорошо. Осторожность так осторожность...

– Надо вызвать командира экипажа и довести до него план наших действий!

– Зачем им об этом знать? Пусть так летят, – возразил полковник. – Начнут нервничать. Ещё, чего доброго, откажутся...

– Михаил Сергеевич, – вставил до этого молчавший Первушкин. – Они боевые офицеры, не раз летали «за речку», таких, как говорится, переехать можно, а сломить нельзя! Их же сразу видно... И главное – нельзя их втёмную использовать...

Скорик взял трубку телефона и вызвал командира самолёта.

– Что ещё?

– Действия в самолёте мы продумали. Вот план, схема рассадки. Вы сидите здесь, я показал место в первом салоне. – В случае каких-либо событий вы должны быть здесь... Всё!..

Полковник долго рассматривал план.

– Всё? А как вы будете действовать? – сделал он ударение на слове «вы».

– Будем действовать согласно плану... Не переживайте, Михаил Сергеевич.

– «Не переживайте!» меня не успокаивает. Покажите-ка ещё раз, кто где... – и мы опять надолго склонились над схемой салона самолёта. – Если «он» пойдёт вот отсюда?

На этих словах зашёл командир экипажа. Он был уже достаточно навеселе. Лётчик обратился неопределённо, сразу ко всем.

– Звали?

– Я представитель КГБ в Афганистане, полковник Скорик...

– Майор Новиков... – встал по-военному лётчик.

Михаил Сергеевич сначала сказал о том, что завтра, во время полёта в Кабул, самолёт могут захватить – кто-то из пассажиров рейса, такая оперативная информация имеется, и угнать в Пакистан. Затем он попытался объяснить суть задачи и план действий в случае захвата самолёта.

– Имейте в виду, у нас тоже есть пистолеты, – с бравадой проговорил выпивший майор, – мы будем отстреливаться...

– От кого отстреливаться?

– От всех... Борт номер один не сдаётся!

На наших лицах было написано удивление: «Опоздали поговорить! Надо бы с ними пообщаться пораньше...» Все в этой комнате знали, что каждая посадка в любом аэропорту в Афганистане, а тем более – в Кабуле, сопряжена со смертельной угрозой быть сбитыми. Лётчики, наверное, имели право в свободное время посидеть экипажем и выпить... Все были уверены, что ко времени полёта они будут, «как огурчики».

– Ладно, идите, отдыхайте... Завтра поговорим, – безнадежно махнув рукой, приказал Скорик.

Лётчик сказал: «Есть!» Чётко повернулся через левое плечо и вышел. По его поведению не было заметно, что он пьян. Он двигался как абсолютно нормальный, трезвый человек. Но когда открывал рот, то не мог связать даже пару слов. Поэтому и нёс такую чушь.

Поговорив ещё минут десять между собой, мы разошлись. Ребята пошли погулять по ночному Сочи, а я завалился спать. Судя по всему, перенервничал.

Ночью мне снился лётчик-майор, голый по пояс, с маузером в руке, обороняющий от нас самолёт председателя. К самолёту, что бы мы ни придумывали, он нас так и не подпустил...

В аэропорт мы приехали рано утром. Долго занимались вместе с представителем КГБ в Афганистане организацией пограничного и особого таможенного коридора для прохода «наших» афганцев. Уже через час были готовы к встрече пассажиров.

Как только на аэродроме появились лётчики, ко мне подошёл командир экипажа и, отведя в сторону, сказал:

– Всё будет нормально. Я знаю, вы «каскадёры». Говори, что надо, – то и сделаем. Полковник тоже пускай не переживает...

Майор уверенно и дружелюбно смотрел мне в глаза. Я с удовольствием и уважением протянул ему руку и вкратце объяснил диспозицию. Он махнул головой и пошёл готовить борт. За эту часть плана я был теперь спокоен. Лётчики, прошедшие войну, – это самые надёжные парни...

Через некоторое время подъехали два красивых автобуса с пассажирами. Всего 63 человека. Шумные, крикливые, беспокойные – ни минуту не стояли на месте! Дети – по кругу, матери и старшие дочери – за ними. Они производили шум, будто толпа человек в пятьсот...

В аэропорту Сочи наблюдать эту массу было необычно. Картина – совсем непривычная. Женщины одеты в яркие азиатские платья, маленькие дети разодеты тоже ярко и цве-

тасто. Главы семейств держались от женщин в стороне и всем своим видом показывали независимость от тягот домашнего быта. Одежда мужчин, наоборот, неяркая и строгого цвета. Некоторые даже в европейских костюмах.

Женщин во внимание пока мы не брали. Мужчин и мальчиков было двадцать. Разделив мужскую часть поровну между собой, мы углубились в толпу и начали «качать» ситуацию.

Я через переводчика разговаривал с братом Гулябзоя¹⁰. Это был высокий афганец в дорогом европейском костюме. Примерно метр восемьдесят ростом, с коротко остриженными волосами. Чисто выбрит, с надменным колючим взглядом. Разговаривал он нехотя, как будто бы делал одолжение. Ему было сорок шесть лет, это я знал по документам. Сзади тёрлась с двумя маленькими детьми его жена, не подходя к нему и не участвуя в разговоре. Я твёрдо знал, что нельзя к его женщине выказывать какие-либо знаки внимания, ни, тем более, разговаривать. Поэтому беседовал с ним. Разговор шёл вокруг отдыха. Море его удивило и сразило. Врачи и процедуры в санатории позволили, как он выразился: «Чувствовать себя, как шах». Всё время благодарил советское правительство. «Когда-то и у нас будет такая жизнь...» И периодически повторял: «Только бы врагов победить». Не

¹⁰ Саид Мохаммад Гулябзой (другое написание: *Гулабзой*); родился в 1951 году в провинции Пактия, афганский политический и военный деятель, министр связи (1978–1979) и внутренних дел Афганистана (1980–1988), посол ДРА в СССР (1988–1990), генерал-полковник.

определив в его глазах и словах напряжения и первоначально удовлетворившись реакцией от общения с ним, втянул в разговор рядом стоящего юношу моего возраста. Я узнал его – это был дальний племянник Наджибуллы. Мне показалось, парень нервный и вспыльчивый. Он рассказал о том, что ему уже пришлось повоевать, и он имел два ранения. Погиб его брат, а младшую сестру украли и увезли в Пакистан. Он ненавидел душманов и только и ждал, когда их всех перережут. Этот был явно на нашей стороне. Одежда его была – смесь афганской и советской: длинная рубаха и шаровары, с надетым поверх пиджаком производства фабрики «Большевичка».

Шаг за шагом мы знакомились со всеми. Очередь по проверке сначала вещей, а потом паспортов шла своим чередом. Стоя в толпе вместе со всеми, рассказывали и о себе: «Едем в Афганистан помогать строить новую жизнь. Я, как советник по строительству дорог. Друзья – специалисты по возведению мостов через реки и ущелья».

Как мы ни старались, так и не могли найти никаких намёков на какую-то нервозность, агрессивность и даже недружелюбие. И глаза – честные и откровенные, руки спокойные, слова – уверенные. Пока мы не смогли определить, кто же из них может быть наиболее для нас опасен. Кто-то, по чисто человеческим качествам, нравился больше, кто-то – меньше, но увидеть их скрытые устремления – у нас всех, четверых, не получалось...

Таможенники перетрясли вещи так, что сомнений, что на борт могли пронести оружие или что-либо опасное для полёта, не было. Процедура проходила, однако, быстро, потому что и пограничников, и таможенников мы согнали больше положенного по штату. Но всё равно посадка длилась целый час...

Наконец, разместились в самолёте по местам. Просидев минут тридцать, экипаж по радио объявил: «В связи с погодными условиями Кабула и Ташкента рейс задерживается на неопределённое время. Просьба покинуть борт». Командир экипажа вышел из кабины и заговорщицки подмигнул мне левым глазом.

Афганцев отвезли в зал аэропорта. А мы взялись за осмотр оставленных вещей и мест, где они сидели.

– Главное, запоминайте, как расположены предметы, чтобы оставить там же, – нервничал я. Хотя, по большому счёту, то, что мы ничего не находим, – тоже подтверждение нашей версии о двойной игре запустивших эту дезу. За час, который у нас был, дважды проверив всё, я дал команду привести пассажиров обратно...

Непонимающие и встревоженные афганцы опять расположились на своих местах. Успокоились все, конечно, кроме нас, после того, как самолёт взлетел и набрал положенную высоту, ровно и монотонно загудев тремя турбинами.

Наше же напряжение, наоборот, возросло до предела.

Около входа в салон первого класса с одной стороны ле-

жал, развалившись, Юра и делал вид, что крепко спит, с другой Валера – тоже с закрытыми глазами. Перед входом за столом лицом к ним сидел я, делая вид, что читаю книгу. Под ногами у меня был ящик-ловушка: если что – скинуть туда взрывчатку. «Хотя, откуда ей взяться? Мы перетрясли всё уже по несколько раз...» Михаил Сергеевич нервничал тоже и, сидя на своём месте, курил одну сигарету за другой.

Часа через два после взлёта, в момент, когда мы должны были подлетать к границе СССР, неожиданно распахнулась занавеска, разделяющая салоны, и появился один из бородачей. На посадке с ним беседовал Валера, и он ему не понравился. Хотя ничего особенного из себя он не представлял, но... Единственно, что замкнутый и неразговорчивый. С ним вообще пообщаться не удалось. Кто он такой и чей сват, брат, родственник, – разобраться мы тоже не смогли. Он на мгновение остановился, увидел безмятежно спящих людей, двинулся вперёд. Я отложил книгу и, не отрываясь, смотрел ему в глаза...

Вдруг он прыгнул на Первушкина... Я выхватил пистолет. Но всё уже закончилось. Даже я не успел уследить, как Юра ловко подсёк ему ноги и, толкнув в спину, отправил в полёт прямо в объятия Валеры. Поэтому мне показалось, что он «прыгнул». Валера только этого и ждал. Сцепив его в богатырских объятиях, не позволяя ему шевельнуться, стал сдавливать сильнее. Сзади уже был Юра, осматривая карманы и блокируя руки. А спереди я, с пистолетом около его бороды.

Бородач захрипел. Рядом с полковником сидел переводчик. Я обратился к нему:

– Спросите, куда он идёт? И чего хочет?

Переводчик от неожиданности никак не мог подобрать нужные слова, наконец, он выдавил из себя фразу на фарси.

– Он хочет в туалет...

– Им же объяснили, что туалет в хвосте салона... Переведите ему!

– Он понял, понял.

На всякий случай, ещё раз осмотрев одежду бородача и дружелюбно улыбнувшись, мы отпустили его обратно.

Я через шторку видел, как он, пошатываясь, добрёл до своего места и сел. «Пописать, наверное, он успел, когда его прихватили Валера и Юра, а у носа он увидел ствол пистолета», – зло думал я.

Немного подождав, как будто разминая ноги, я вышел в салон с пассажирами и медленно пошёл среди кресел. Большинство детей и женщин спали. Спали и многие мужчины. Те, кто обратил внимание на моё движение по салону, безразлично и спокойно смотрели мне в глаза не отводя взгляда. Всё было спокойно. Я вернулся назад, сел в кресло и только теперь меня «забил мандраж».

Я понимал, что ничего не случилось, но от произошедшего всё внутри меня кипело и клокотало. Сердце стучало, как бешеное. Выпросив у полковника сигарету, двумя затяжками её прикончил. Скорик, наоборот, успокоился. Всё про-

изошло на его глазах. Как будто бы от толчка самолёта в воздухе вошедший человек упал, его нежно подхватил случайный пассажир, оказавшийся на пути. Отряхнули, похлопали по плечу, пожали руку и осторожно проводили обратно... Полковник осознал и понял: «Просто так захватить самолёт, а тем более его куда-то угнать, не удастся...» После чего он достал ещё одну сигарету и выкурил её уже с удовольствием.

Самолёт продолжал ровно гудеть, пробираясь сквозь плотные облака.

Вышел командир корабля.

– Кабул не принимает. Очень плотная облачность... Будем садиться в Ташкенте. – А затем, склонившись ко мне, проговорил: «Как будто вы накаркали плохую погоду... Да я шучу, шучу!»

Нам пришлось уныло согласиться. Солнце постепенно переместилось на другую сторону борта. Если оно светило справа и сзади, то теперь слева. Всё остальное внешне осталось прежним.

Когда сели в Ташкенте, афганцы с удивлением смотрели в иллюминаторы, явно не узнавая родной Кабул. Переводчики перевели, что мы приземлились в СССР, в Ташкенте. Поэтому, многие даже обрадовались: провести ещё один день и ночь у советских друзей.

Поселили всех в большой, современной гостинице в центре города. Длинные коридоры, на полу – ковры, за окнами – прекрасная, как будто весенняя погода.

Когда уже было темно, вся наша расширенная команда собралась в одном из номеров. Порезали колбасу, сыр, положили руками лепешки – по азиатскому обычаю, поставили на стол ароматную дыню и красивый солнечно-золотистый виноград. По пиалушкам разлили с большим трудом добытую водку.

Выпили и расслабились. Лётчики молчали. Мы тоже не очень были разговорчивые. Зато прорвало полковника:

– Как вы его уделали! Ну как вы его скрутили! Мгновение и уже – всё! Если даже у них есть намерения – теперь не сунутся...

Выпили ещё и опять помолчали...

– За погибших! – Лётчики встали. Мы – за ними. Выпили не чокаясь третью. Помолчали и потянулись за сигаретами...

Разговор не получался, поэтому разошлись рано по своим номерам.

Эта ночь для меня прошла как мгновение. Закрыв глаза – темно. Открыл глаза – уже утро, за ночь даже ни разу не повернулся с боку на бок.

* * *

В аэропорт приехали и опять долго толпились на месте проверки багажа. Опять разговаривали с мужчинами. В основном обсуждали погоду, но продолжали заглядывать в глаза и искать там то, что хотели увидеть, но...

Валера обхаживал «своего бородача». На этот раз афганец был словоохотлив и рассказывал про свою жизнь и как ему нравится Советский Союз.

– Ещё бы не нравился, мы туда столько денег б́ухаем, – шептал мне на ухо Скорик, – дороги, дома строим... День в Афганистане для нашего государства обходится в 10 миллионов долларов.

– Стратегический интерес...

Подошёл командир экипажа и, глядя на наше прохождение таможни, сказал:

– Погоды опять нет, над Кабулом облачность, видимость до 100 метров... Что будем делать?

– А есть шанс изменения погоды? Ну, пока будем в небе? – спросил полковник.

– Послезавтра – Новый год! – уже вставил я. – Командир, надо лететь... Да и с этим «гостеприимством», – я кивнул на толпу, – тоже надо заканчивать.

Примерно ещё через час сидели в самолёте все на своих местах. Ревели двигатели. Лётчик радостно доложил: «Метео сообщает – есть просвет в погоде! Полетели...» Им явно тоже не хотелось затягивать этот беспокойный рейс. Да и Новый год встречать в Ташкенте...

– Борт 8701 запрашивает разрешение на взлёт... Спасибо! Взлёт!

Нас прижало к спинкам диванов от набираемой скорости. Оторвались от земли и через минуту уже были в облаках.

Сначала полёт шёл нормально, а через час машину затрясло от перегрузок. Со стола даже упала пустая бутылка от лимонада и неслышно покатила по полу. Крылья самолёта, еле различимые в облаках, ходили ходуном, как будто бы на них выдавал гопака хороший ансамбль песни и пляски... Стало жутковато...

«Хорошо, когда опасность зависит от твоих знаний и умений. А здесь – всего лишь машина и природа: выдержит – не выдержит, а ты – в коробке, и грош тебе цена, всем твоим знаниям и умениям. В случае чего...» – Мысли в голову лезли не самые приятные. Афганцы в другом салоне тоже притихли. Плакали дети от перегрузок. Мужчины перебирали чётки, молились...

Самое время что-нибудь сделать по захвату самолёта. Мы это понимали и тоже сжались в готовности как пружина...

Через некоторое время выскочил второй пилот:

– Прости границу, – орал он нам, стараясь превозмочь натруженный шум двигателей, – но погоды в Кабуле так и нет... Был небольшой просвет минут на тридцать, но мы опоздали! Возвращаемся!

– Ну что ты будешь делать! Не хочет Афганистан наш рейс принимать.

– Точно! Кто-то из пассажиров сильно провинился перед Всевышним... Вот Он и даёт время подумать.

Самолёт трясло, а мысли становились всё мрачнее. Пришлось воспользоваться наукой наших преподавателей. А они

учили: «Страх – это одно из проявлений инстинкта самосохранения...»

– Самосохранение у меня развито на высшем уровне, – думал я. – Выше – не бывает: десять тысяч метров, как высота полёта...

«Научитесь перевоплотить страх в интенсивную деятельность...» – будто кричали через грозу мои учителя.

– Какая деятельность? Ноги не слушаются...

Но я всё-таки встал и попытался пройти по коридору, самолёт трясло на разрыв... Сел рядом с побелевшим Михаилом Сергеевичем, выкурили по сигарете. Ничего не помогало... И тут нашёлся Юра, он был в таком же положении как все. И придумал... Запеть! «Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг», – начал он, а мы с удовольствием подхватили, – посадки никто не желает!» И сразу полегчало, и на душе стало теплей и спокойнее. Так мы вчетвером пропели, вернее – проорали, заглушая свой страх, почти до посадки в Ташкенте, пока не прекратилась эта тряска. Нам помогал в этом хоре ещё и переводчик. Успокоились только на земле. А о нашем «хоре» со смехом вспоминали вечером в гостинице.

«Приземлившись» в том же номере, в этот раз выпили крепко. Сначала долго разговаривали, разделившись на пары, о жизни. Я с наслаждением слушал полковника. Он рассказал практически всю свою, уже долгую жизнь. В свои пятьдесят восемь лет попасть после Европы на войну! Всё и тогда, и сейчас складывалось очень не просто. Он был на

генеральской должности, и получение звания зависело и от этого перелёта, и от этой командировки. Именно в этом разговоре он раскрылся намного больше, чем за все предыдущие дни. Мне стало рядом с ним очень уютно, как будто бы я беседовал со своим отцом. Человек очень образованный, начитанный, проработавший в разведке длительное время. И сейчас, как-то особенно почувствовав в нас близкие души, он заговорил об одной особой ситуации. Теперь начался общий разговор.

Михаил Сергеевич с горящими глазами и иногда со слезами на глазах – от переживаний и волнения – стал рассказывать нам эту историю. И ночь стала для нас всех необычной... Голос его звучал совсем негромко. Неторопливая речь искусно украшалась многозначительными паузами и интонацией, иногда обычной, а иногда понижающейся до шёпота. Он, оказывается, был мастер рассказывать...

Слушая его, мы молчали и курили. Что сегодня он, разведчик европейского направления, делает в Афганистане? У меня возникла мысль – ответ? Но верна ли она, я не знал. А думал я о том, что, может быть, и послали сюда его уменьшить по возможности количество потерь с обеих сторон. Ведь наверняка руководство знало его склонность решать все вопросы бесконфликтно, и вся его предыдущая жизнь, как «Новая библия», говорит: «Никто не имеет права решать, кого и когда убить...» Может быть, и его задача – спасти наибольшее количество жизней...

Второе пришествие Христа. Притча, рассказанная полковником

В большом шумном европейском городе жила юная красавица Мария... Уже отгремела Вторая мировая война, отнявшая огромное количество жизней ради прихоти некоторых... Погибшие солдаты, которым поставлены памятники и в честь которых зажигают свечи, остались в памяти народов. Люди всё реже думали о миллионах погибших, убитых мимоходом гражданских людях: женщинах и детях. Смерти эти настигали, когда танки, гоняясь друг за другом, были нацелены на врага, а попадали в них, в других, – случайно оказавшихся на пути пуль и снарядов. Эти погибшие не были героями и не спасали свои страны. Их просто убили. Воюющие даже не заметили тех, ради кого они сражались. В память о них не ставят памятники, потому что они не стреляли из пулемётов, и поэтому возле их могил нет ни цветов, ни Вечного огня...

Тогда, чтобы вразумить человечество, Бог решил послать на землю своего Посланника. Чтобы свершилось пришествие Пророка и чтобы люди задумались, а вправе ли они решать вопрос о жизни и смерти друг друга, и поняли наконец, что человек ни под каким предлогом не имеет права убивать себе подобного... И была Им выбрана Мария, дабы стала она матерью Мессии.

В этом послании Бог не собирался ставить вопрос о Вере. Создатель уже насмотрелся на войны за Веру. Они шли уже две тысячи лет... И знал Он то, что веры в этих войнах нет! Бог не однажды открывал человеку: «Посылающий солдата на смерть за Веру и, тем более, приказывающий убить за Веру, заслуживает порицания Бога. И забвения в веках...» Не этот вопрос должен был открыться человечеству на этот раз. Для него этот вопрос уже давно решён. Его мучил уже совсем другой...

В качестве благодарности за то, что мы дети Божьи, нам было заповедано, что создаём подобных себе в любви, сладостной и страстной... И по неведомой причине и порой с необъяснимым безразличием убиваем других, подобных себе, даже порой не замечая того... Это недопустимо, и это – главное Послание, которое Бог передавал через Мессию своего и мать его Марию.

Семьи у девушки не было. Она – из тех, у кого родителей убили «рядом с войной». Воспитывали её иногда близкие, иногда незнакомые люди. Но выросла она чистым, светлым и добрым человеком. Путь её в церковь был предопределён, потому что лишь здесь она нашла утешение от слёз своих об отце и матери, любовь которых даже не успела познать.

Окончив школу, она уехала в большой шумный город, где скромно жила и честно трудилась. Однажды она познакомилась с красивым и обаятельным молодым человеком. Он давно жил в этом городе и уже приобрёл пороки, а также такие

качества, как склонность к предательству и жестокость. Под обаянием скрывалось лицемерие, под красотой лица – уродство души. Всё, чего он хотел, – это её тела. Многие часто видели их вместе. Она была настолько хороша и так привлекательна, что мужчины из их окружения с завистью смотрели этой паре вслед. Грязные сплетни окружили их.

И вот однажды, после нескольких первых страстных поцелуев, похотливая рука юноши попыталась сорвать одежду и поблудить в местах тайных и нетронутых. Разрыв отношений был неминуем, потому что, вырвавшись из его объятий честной и целомудренной, она не смогла простить такой низости... Он удалился уязвлённый, но рассказывал всем вокруг много лживого о её порочности.

С ужасом Мария узнавала от незнакомых людей неправду о своих «пороках и грехах», нарисованную больным самолюбием подлеца...

Она жила с этим и, как могла, боролась и верила...

Именно эта чистая душа была выбрана Богом, и пришёл к ней, когда она была одна в своей комнате, Свет Небесный... Она забеременела и понесла под сердцем Посланника Божьего. В это время на неё снизошли и успокоение, и благодать. Она была счастлива, даже не понимая истинных причин своего счастья... Она видела окружающих людей милыми и добрыми, каждому из них пыталась чем-то помочь. Любовь к ближнему переполняла её душу... Она смогла простить своего возлюбленного за его действия и даже за слова,

которые порочили её честь.

И вдруг она осознала, что беременна... Но ведь она никогда ни с кем из мужчин не была близка!.. Она металась и переживала в неведении происходящего. Бог не открывал ей тайну...

Через какое-то время люди стали замечать её положение. И опять начались сплетни и пересуды. Некоторые даже в глаза бросали ей самые жёсткие и обидные упрёки. А те, кого она возлюбила, её близкие друзья, тоже, не веря ей, говорили: «Сознайся, ты грешна, ты порочна!» Не было ни одной души, кто согрел бы её в страданиях. Находились даже такие, которые говорили: «Да она переспала со всеми, и ребёнок её будет никому не нужным брошенным уродом... – И добавляли: – А как она умеет хитрить и изворачиваться, притворяясь невинной...» И чем больше она говорила о своей невинности, тем больше её ненавидели. А вместе с ней уже ненавидели и её сына.

Только церковь могла спасти её от отчаянного шага – шага в бездну. И она со своей Верой и страданием пришла к священнику. На коленях, плача и заламывая руки, в таинстве исповеди она поведала свою историю любви и предательства юноши: «Лишь два поцелуя – это всё, что нас связывало... Но я беременна! И я клянусь, что ни с кем не была!» Она умоляла поверить и простить...

Но мудрый священник сказал витиевато: «Прощается раскаяние. Ложь не прощается! А ты ещё не научилась честно

разговаривать с Богом. Когда настанет минута и ты признаешься во всём, твои грехи будут отпущены...»

– Поверь мне, святой отец, – плакала, умоляя, она, – я безгрешна...

Наверное, служитель культа был прав, когда сказал: «Безгрешных в нашей жизни нет!»

Она получила лишь холодный, безразличный взгляд. И это сделал человек, который говорит и учит всех: «Надо верить, надо не искать объяснений, а просто верить!» И здесь произошло самое страшное: тот, кто кормит, – тот не дал пищи! Потому что церковь зачастую не принимает чудес, случившихся с простыми людьми, и считает их прелестью...

Врач, к которому она пришла за помощью, без эмоций и чувств за деньги убил её сына!

Убил посланного на землю Богом?!

И только после этого Бог-отец открыл Марии тайну, кто это был...

Душа младенца вернулась обратно к Отцу небесному.

Так было ли сошествие Пророка или?..

Наверное, эта история была... Или... её не было?

Мы не можем об этом знать точно. Потому что кто-то, без права на то, лишил Человечество Права Знать Это. И уничтожил жизнь, посланную Богом.

Кто эта женщина, принявшая решение за всех нас?..

С попустительства какого мужчины и пастыря она это сделала?

От безразличия врача случилось это?..

История, которая произошла две тысячи лет назад, известна всем и закончилась страданиями Христа за людей...

Современная история о Марии закончилась, почти не начавшись, именно сегодняшними поисками и страданиями за Бога.

Не убиваем ли мы в борьбе за Веру того, кто Веру принесёт?

Поэтому любой из нас, даже на войне, направляя оружие на врага, может убить... не того! Ведь Спасителя человечества никто не знает в лицо... Какой он национальности и какого цвета кожи?

Говорят, что, бросив всё, Мария уехала из того самого большого и шумного города и живёт сегодня в женском монастыре где-то в российской глубинке. Приняв обет молчания, она не разговаривает ни с кем... И поэтому уже никто не узнает, было это на самом деле или нет...

* * *

...На следующее утро самолёт поднялся в очередной раз и взял курс на Кабул. Погода была, в противоположность вчерашней, идеальной для полёта. На небе – ни облачка. Под крылом проплывали заснеженные величественные вершины гор. Всё было в снегу. Ни жилья, ни дорог внизу не было видно. Граница Советского Союза осталась позади, а впер-

ди через некоторое время пошли горы пониже, и потом появилась безлюдная пустыня.

На борту самолёта всё было по-прежнему. Михаил Сергеевич безмятежно спал на диване. Он окончательно успокоился и уже знал: «Всё будет нормально». Мы же сидели, каждый на своём месте, и продолжали «бдеть». В общем салоне для пассажиров афганцы прилипли к иллюминаторам. Им, детям гор и равнин великой страны, которую не смогли захватить ни войска Александра Македонского, ни персов, ни англичан, наверное, впервые, во время этого полёта можно было рассмотреть красоту родной земли. А мы с болью смотрели на пустынность этих мест: то ли войны катились по ним, то ли они сами не захотели ничего изменять здесь?

Через некоторое время самолёт начал резко снижаться, как будто бы попал в воздушную яму. Только «яма» эта была намного глубже. Затем накренился на левый бок и, натужно заревев турбинами, пошёл на разворот. Началась посадка. Внизу мелькнула гряда гор, окружающая Кабул. Вершины сопков были в снегу, а сама долина – серая и мрачная. На меньшей высоте увидели пару вертолётчиков, как и самолёт, делающих вираж. Разглядеть их маленькие тела с высоты было трудно. Тем более, их хищные контуры сверху были замаскированы под местность, по специальной методике раскрашены маскировочной краской. Только отблески от солнца на лопастях и постоянный отстрел ракет в разные стороны давали возможность следить за ними. Это работали тепловые

ловушки от ПЗРК¹¹. С другой стороны, прикрывая самолёт со стороны гор, по кругу шла вторая группа вертолётчиков.

– Смотри! Вертолётчики прикрытия, – кричал мне в ухо Юра. – Охраняют от «стингеров»¹²...

Двигатель самолёта работал на очень большой нагрузке. Экипаж старался снизиться быстро, и земля приближалась, как будто бы мы прыгнули с парашютом. Появилась взлётная полоса, а рядом, по борту с иллюминаторами, неожиданно выросли наши вертолётчики, летящие над самой землей, продолжая отстрел ракет. Теперь они были большие и мощные. Они поднимали облака пыли и сухую траву с земли. Работа эта для них была рутинная. Каждый день по многу раз, при каждой посадке или взлёте любого борта, военного, гражданского – экипажи вертолётчиков выполняли свою работу. Их задача – защитить самолёты от возможного обстрела с гор. Каждый полёт – риск, смерть, напряжение. Каждый полёт – геройский поступок, преодоление страха и игра с судьбой: «Повезёт – не повезёт...»

Быстро бежала посадочная полоса, справа стали мелькать машины obsługi и группы встречающих людей. Наконец, са-

¹¹ ПЗРК – американский переносной зенитно-ракетный комплекс (ПЗРК), предназначенный для поражения низколетящих воздушных целей (самолётов, вертолётчиков, БПЛА). Разработан в США компанией «Дженерал Дайнемикс».

¹² «Стингер» (англ. *Stinger* – жало) – ракета для борьбы с воздушными целями с тепловым наведением. США поставляли в Афганистан в большом количестве для вооружённой оппозиции. С помощью этого устройства часто сбивались гражданские пассажирские самолёты.

молёт, развернувшись, замер и затих. После рёва реактивных двигателей наступила тишина.

– С приездом! – радостно по привычке заорал Валера и осёкся от слишком громкого звука голоса. – Я думаю, сейчас сразу же и назад. Через одиннадцать часов – Новый год, – проговорил он уже нормальным голосом, привыкая к тишине.

– Посмотрим...

Открылась дверь. Вовнутрь ворвался свежий, прохладный воздух и шум аэродрома. Подогнали облезлый, покосившийся трап, и я первый выскочил на землю и огляделся.

Поодаль стояла, как мне показалась, даже слишком большая толпа афганцев, встречающих своих близких и родственников. Подойти ближе к самолёту они пока не решались. Подкатил закрытый новенький ГАЗ-66. Из кузова выскочили человек десять бойцов спецназа, а из кабины вышел худощавый высокий капитан. Волосы хоть и коротко стрижены, но было видно, что они огненно-рыжего цвета.

– Николай? – спросил я его.

На меня он посмотрел холодно и неприветливо. Да и в той одежде, про которую я забыл, я никак не должен был заинтересовать его. В чисто гражданской одежде здесь люди не котиривались, а я был в джинсах и лёгкой чёрной куртке советского производства. Ещё раз подозрительно оглядев меня, даже не поздоровавшись, капитан спросил:

– Где Скорый?!

– Наверху, внутри...

Капитан, легко прыгая через две ступеньки, вбежал по трапу. Бойцы тем временем окружили самолёт кольцом и взяли автоматы наизготовку. Из салона показалась сосредоточенная физиономия рыжего спецназовца. Он показал два пальца, ткнув в двух солдат, и махнул рукой, приглашая подняться. Солдаты взлетели по трапу вверх и тоже скрылись в салоне.

Через несколько минут, когда спецназовец и Юра спустились, мы познакомились.

– Командир роты... Спецназ ГРУ, – проговорил Юра, обращаясь ко мне, зачем-то разделяя фразы.

– Николай, – протянув мне жёсткую ладонь, представился рыжий. – Всем, чем можем... – Он широко раскинул руки и добавил: – Поможем!

– Самое важное для нас, что именно сейчас вы рядом... Спасибо!

– Ну а как же по-другому, братья-славяне?

На трапе появились первые пассажиры и медленно начали спускаться на поле. Кто-то, увидев внизу знакомых, замахал рукой. Кто-то молча и сосредоточенно шёл, глядя под ноги.

Толпа приезжих и встречающих смешалась.

– Всё! – с облегчением сказал я.

– Как всё? – с сожалением заговорил рыжий капитан. – А повоевать? Что, никого не арестуем? Жаль... Ещё КГБ называется... Мы с Юрой улыбались во все зубы, нам было так

хорошо, что даже не хотелось подшучивать над встретившим нас Николаем.

– Нет! – глядя на наши физиономии и не веря нашему молчанию, тоже заулыбался спецназовец. – Что-то не так... Продолжение какое-то будет? Мы зачем сюда припёрлись?

– Коль, – заговорил с ним Юра, – действительно, всё. И то, что вы здесь, это очень важно... Всё будет происходить там, вон в той толпе, – и показал на перемешавшуюся группу прилетевших и встречающих.

И на самом деле – в толпе произошла ссора. Громко кричали друг на друга и даже начали хлестать одного из мужчин по щекам. К дерущимся подскочили военные афганцы и, заломив руки одному из них, с опаской поглядывая на русских солдат, потащили к машине. Мы не вмешивались. Только наш Михаил Сергеевич вместе с переводчиком, внутри этой азиатской массы, пытался примирить конфликтующих.

– Эй, «каскадёры»! – заорал с трапа один из лётчиков. – Мы готовы. Надо лететь...

Попрощавшись со спецназовцами, мы с печалью посмотрели на окружённого афганцами Михаила Сергеевича – ему оставаться здесь ещё надолго – и стали подниматься по трапу. Юра, на всякий случай, послал к нему на помощь капитана.

– Николай! – закричал ему Юра. – Поддержите полковника... Хороший мужик!

– Не беспокойся. Всё будет «якши»!¹³

Уже наверху, около двери, мы увидели Скорика, бегущего к нам. Он на время оставил местных, чтобы попрощаться. Встретились на середине трапа. Обнялись. Крепко, по-братски, как будто были очень близкими и родными людьми. На прощанье сказав друг другу: «Бог даст, свидимся!», – побежали по раскачивающемуся трапу в разные стороны...

Когда самолёт поднимался, опять окружённый вертолётками, я думал: «Всего трое суток знаю человека, а уже полюбил его, и такое ощущение, что знаю много лет. Правильно говорили наши учителя: общая опасность сближает людей и делает их друзьями навсегда...»

Как неожиданно и ярко произошла наша встреча! И какой важный урок своего мудрого и спокойного отношения к жизни он показал. А история его, которую я назвал «Второе пришествие Христа», и есть ответ на многие вопросы, возникающие сегодня в моей голове... И в какой-то мере именно он показал мне правила расстановки знаков препинания по нашему отношению к жизни и смерти...

Уже поздно вечером приземлились в морозной и заснеженной Москве. Нас ждала дежурная «Волга». Водитель нетерпеливо гнал всю дорогу и молчал, приученный службой. В Балашиху, на 25-й километр, заскочили, чтобы сдать оружие и спецсредства. Из дежурки набрал домашний номер Хмелёва и стал докладывать.

¹³ Якши – хорошо (*тюрк., араб.*).

– Владимир Александрович! Прибыли в Москву полтора часа назад. Оружие сдали...

– Подожди. – И он впервые назвал меня просто по имени. – Скажи главное: вы сумели правильно расставить знаки препинания?

Этот вопрос меня поразил больше всего: «Он, оказывается, пока мы летали, был с нами на одной волне. Командир думал так же, как и мы, и задачу эту решал вместе с нами. Только он – здесь, а мы – там...»

Часть вторая. В лесу

Всем моим братьям-ОУЦменам, прошедшим леса, горы и болота во времена своей подготовки, – посвящаю

Лес был нашим уютным родным домом. Он стал для нас живым, осязаемым организмом. Лес, как ещё один член нашей группы, заботился о нас, оберегая, как своих товарищей, от невзгод. Мы с ним подружились накрепко и навсегда. Он – как жена: кормил, поил и радовал своей красотой. Он – как друг: всегда подставлял своё мощное лесное плечо и протягивал крепкую ветвистую древесную руку... Нигде и никогда в дальнейшей жизни я не испытывал такого блаженного комфорта от пребывания рядом с потрескивающим костром в окружении густого, теплого русского леса.

В ту ночь в лесу звёздное летнее небо горело огромным количеством неповторимой красоты ярких голубых звёзд. Лишь небольшая их часть, пробиваясь сквозь густые вершины деревьев, смогла заглянуть в самую середину дремучего леса, на маленькую уютную полянку. По всем правилам партизанской науки мы выбрали именно это место: вдали от жилья и человека, поближе к диким зверям и птицам. Только животные в этом прекрасном уголке земли были сегодня нашими спутниками. Встреча с любым гражданским чело-

веком нами расценивалась как провал.

Я возился с костром, подкладывая дрова, и старался, чтобы ни одна искра, как учили, не вылетала из огня. Рядом на земле возлежали два начальника отдела. Мой – Розин и соседнего, 3-го боевого, отдела – Кириченко. Валерий Витальевич Розин, укутавшись в лётную куртку, лежал на полиуретановом коврике, очень тонком и поэтому оставляющем ощутимой каждую веточку под телом, но зато – совсем малом по весу. Это облегчало рюкзак в переходах на марше и дарило уют на днёвках и ночёвках, защищая от холода земли.

Кириченко, похожий на среднеазиатского бая, лежал на надувном матрасе. Никакие кочечки и сучочки под телом были ему не страшны, кроме того, расстояние от лесной сырой земли из-за воздуха в матрасе было значительным. А самое главное, было невообразимо мягко.

Мы уже давно, каждый для себя, брали в такие походы или надувной матрас, или коврик. Некоторые выбрали лёгкость в весе, но при этом жёсткое «прокрустово ложе». Кто-то выбрал мягкость опочивальни в виде надувного матраса. Когда при постановке задачи выяснялось, что с собой не надо тащить много железа в виде мин, гранат, патронов и каких-либо спецсредств и переходы будут не больше недели, то многие брали надувные матрасы. Если же переходы были длиннее, а железа – побольше, то над рюкзаками приторачивали свёрнутые в трубу эти самые коврики. Когда командир группы давал команду выставить охранение и распо-

лагаться на ночлег, группа с надувными матрасами, забравшись в крошечной тьме в ещё более непролазную чащу и темень, распаковывала рюкзаки, естественно, первым делом скинув опостылевшую ненавистную сырую обувь, доставала достаточно тяжёлые матрасы с самого низа рюкзака, выворачивая все остальные вещи, и... начиналось ночное дыхательное упражнение. Из-под каждого мало-мальски густого кустарника звучал сначала громкий вдох, затем длинный звучный выдох. А потом, уловив чутким ухом такие же звуки из соседних кустов, причём доносившиеся со всех сторон, – каждый слышал уже раздающееся сдавленное приглушённое хихиканье. Лес дышал и смеялся шёпотом. А наши матрасы и коврики от постоянного использования и скольжения по земле, траве, грязи, снегу, лужам, болотам, камням и ещё чёрт знает чему были ужасно «закамуфлированного» цвета. Некогда новенькие и достаточно игривых расцветок, купленные на собственные деньги, они уже поистерлись. Все знали: «Поход – дело, надо сказать, государственное, а ночёвка и сон – дело личное». И поэтому, когда душа во сне отделяется от тела, и раньше всех, опять же во сне, уже выполнила боевую задачу, – это твоё индивидуальное дело. Поэтому для индивидуальной задачи и подбирались собственные средства для комфортного отдыха.

Мы, кстати говоря, к финансам и личным закупкам относились философски. Была определённая штатная форма и было дополнительное, всякое подсобное снаряжение. То есть

очень нужные вещи личного назначения. Если одежда спецназа была принята нами единодушно и навсегда, то для хождения по горам, долинам и по взгорьям у нас вместо тяжёлых ботинок были свои кроссовки. Разного цвета, подогнанные под свою ногу и часто, что называется, выдавшие виды. За один день эти кроссовки успевали вымокнуть от росы в густой траве, побродить по ручьям и болотам, минимум десятки раз согреться от быстрой ходьбы и бега и высохнуть, снова промокнуть при переходе речки и потом подвялиться у костра. Кроссовки имели ещё одну особенность. В рюкзаках у каждого была гражданская одежда. И если бывали поводы, а бывали они нередко, мы переодевались в гражданку, прятали автоматы в рюкзаки и пересекали сложные участки под видом туристов, геологов или просто грибников. И кроссовки в этом случае не становились демаскирующим признаком. А преподаватели учили, чтобы обувь, для конспирации, не была у всех с одной фабрики.

Вообще для таких походов мы подбирали самостоятельно и рюкзаки, и ножи, и фонарики. Но самое большое мастерство требовалось, чтобы подобрать нижнее бельё – трусы!

Трусы – это «козырь» спецназа. Неправильный шовчик на них у кого-либо из сотрудников подразделения может замедлить темп движения всей группы в несколько раз. Хорошо, что многие раньше были спортсменами. Занятия лыжами, кроссами ещё тогда заставили нас подходить к нижнему белью с большим вниманием. В середине рюкзака, завернутые

и укутанные в несколько целлофановых пакетов, лежали оберегаемые от промокания запасные трусы, носки и, что тоже важно, тёплые носки, предназначенные только для отдыха – для днёвок или ночёвок. Комфорт ног и, главное, их здоровое состояние, – это такая же важная составляющая для спецназа, как и оружие. Ноги в начале похода и в конце его – это было немаловажно для всех. Здоровья и выносливости хватало нам с лихвой, а вот от травм мы умели оберегаться и избавляться. Мы научились с годами их не получать. Через несколько лет нашей подготовки человек, имеющий травму, вызывал у нас и удивление, и неприятие. Такие «умники» переходили в сопутствующие подразделения. Умниками мы их считали потому, что они имели знания, как избежать травм, но не предпринимали усилий, чтобы их не получать, а значит, уже имели другую мысль: дескать, устали ходить по лесам и болотам. В слаженных боевых группах таких уже не было.

Валерий Витальевич, неожиданно изменив тему разговора, который плавно протекал между нами с момента появления костра, спросил:

– Как бы вы поступили в такой ситуации? Боевая группа получила важное правительственное задание: выдвинуться в определённый район и уничтожить стратегический объект. Уничтожение этой цели – переломный момент всей военной кампании. Значение выполнения приказа настолько велико, что секретность операции уже вызвала потери среди наших

разведчиков: получение информации о работе и нахождении этого объекта также было сопряжено с гибелью наших людей! – Розин всегда говорил спокойно, плавно и вдумчиво, не повышая тон своей речи. Он присел на своём ложе и продолжил: вот вы, командир, с лучшими и проверенными офицерами вашей группы, проделав долгий, огромный маршрут, сохраняя секретность, почти приблизились к цели. Но произошла неожиданная встреча... – Валерий Витальевич на секунду замолчал. Я инстинктивно приблизился к нему, вслушиваясь в слова. – Перед вами – семья местных жителей: женщина и двое мальчиков-подростков собирают то ли травы, то ли грибы... Ваши действия, товарищ командир?

Кириченко, довольный вопросом, – он-то знал эту историю, – заворочался на матрасе и повернул ко мне своё круглое, с виду добродушное лицо. Его серые глаза иронично наблюдали за моей реакцией.

– Это происходит на территории нашей страны или?.. – задал вопрос я, рассчитывая на паузу, чтобы получить немного времени на обдумывание.

– А, по-твоему, это имеет значение? – уже задал вопрос Кириченко.

В котелке над костром закипал лесной напиток. Там было несколько сортов чая, листья мяты и малины, а главное – чага, собранная с берёз. Толик Чуткой, четвёртый участник этого ночного разговора, насобирал и бросил в котелок ещё каких-то полевых трав. Он вообще очень хорошо разбирал-

ся в премудростях лесной жизни. Тёмная коричневая жидкость, закипев, забулькала. Анатолий сделал вид, что разговор к нему не относится. Он был мудрым человеком. Поэтому продолжил с большим рвением и усилием заниматься очень важным для всех нас делом: ловко подхватил котелок с огня и разлил эту бодрящую жидкость по подставленной «таре» для чая, которая тоже была у каждого на свой вкус. В руках, обжигая пальцы, он держал большую, похожую на армейскую, кружку. И, даже не остужая, – чай настолько был горяч, что в кружке продолжал пузыриться, – стал отхлёбывать кипяток. Мы с ужасом смотрели, как Толик, обжигаясь, сразу же выпил примерно с пол-ёмкости. При этом он, довольный, издавал причмокивающие звуки. Увидев наше удивление, произнёс:

– Ничего не могу с собой поделать! Люблю чай, чтобы был сразу же с огня... – И сделал ещё глоток с таким наслаждением, что я сам попробовал отпить крутого кипятка и при этом обварил всё, что даже не предполагал, что можно обжечь.

– Да, у каждого – своё, – глядя на мои страдания, высказался Кириченко.

– Людей оставить из группы с этой семьёй, чтобы их временно задержать, – нельзя... Без кого-то из бойцов есть опасность не выполнить задачу... – как бы размышляя, начал я, продолжая глядеть на кружку с кипятком. Этот Чуткой, со своим садомазохистским чаепитием, сбил меня с мысли. А интересно, – он знает, как поступить?

– С собой взять их тоже невозможно... Значит, остаётся только... одно решение?! – Я сам ужаснулся от этой мысли. – Я прав? – обратился я к Розину.

– Именно такой случай произошёл во время Великой Отечественной войны, – стал рассказывать Валерий Витальевич. – Группа, кстати, которая готовилась в том же самом месте, где сейчас учитесь вы, на 25-м километре в Балашихе, была заброшена в самый глубокий тыл фашистов. На маршруте они встретили семью местных жителей... – Розин надолго задумался, словно пытаясь представить эту далёкую картину. – Командир тогда принял решение: местных жителей – уничтожить, а тела спрятать и замаскировать... Я, как офицер, но прежде всего как человек, до сих пор не решил, как бы поступил в такой ситуации я? Но... вам скажу, насколько важной для командира, идущего по вражеской территории, является скрытность передвижения, которую сегодня мы тренируем. Если вы добьётесь профессионализма: научитесь растворяться в лесу, в горах, болотах – да где угодно! – если вы никогда и ни с кем не встретитесь, до тех пор, пока не дойдёте до нужной точки... Тогда и решений таких принимать не придётся!

Последнее предложение начальник отдела сказал почти шёпотом, но прозвучало оно в этом сказочном лесу как голос Левитана¹⁴ из динамика на городской площади. Я эту фразу

¹⁴ Диктор Всесоюзного радио, в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) читал сводки Совинформбюро и приказы Верховного Главнокомандующего

ношу в своём сердце и сегодня. Я не знаю, как бы поступил сам! По этому вопросу всю свою последующую жизнь пытаюсь, как через некую лакмусовую бумажку, увидеть и сопоставить многие события в жизни своих товарищей. А как бы поступил тот или другой из них при таком стечении обстоятельств? Но ответа никогда не получаю! Не дай Бог никогда и никому попасть в такую ситуацию... Быть героем – броситься с автоматом в атаку, даже упасть на дзот – каждый из наших офицеров был готов, по крайней мере так казалось мне... Нет, не казалось – я был уверен в этом! А стрелять в своих – не готов никто и никогда! И не любого обманут и заставят делать это... Но тогда я не знал ответов. В последующем поступок каждого в отдельности определит мудрость и откровенность услышанного.

– Сунь-Цзы, древнекитайский философ, очень давно написал: «Умный найдёт выход из экстремальной ситуации, а мудрый – не допустит её...» – процитировал Розин.

– Поэтому, мужчины, – жёстко сказал другой начальник отдела, – относитесь серьёзно ко всему, что происходит с вами сегодня. Это – не игра и не развлечения за государственный счёт. Именно вы должны быть готовы к принятию самых серьёзных решений в жизни ваших подчинённых... – И вдруг Кириченко накинулся на Чуткого:

– Я тебя умоляю, прекрати хлебать кипяток!

– Виталий Николаевич, он показывает «железность» сво-

его тела, – постарался шуткой замять ситуацию Розин.

– Да, железность его характера мне известна, – поддержал шутливый разговор Кириченко, который вообще без юмора жить не мог. – Правда, с «железными» людьми по сырому лесу ходить сложно: гремят, следов много оставляют, а самое неприятное... боюсь, – ухмыльнулся он, сделав паузу... – заржавеют!

Мы заулыбались, а мудрый Толик сказал:

– Этого произойти не может! Мы всегда «в масле вашего опыта»...

– Bravo, Толик! – я поднял над головой кулак, – Venseremos¹⁵!

– Ну и подчинённые пошли, – слова им не скажи, – незлобиво проворчал Виталий Николаевич.

Хотя мы всегда знали такт и проявляли уважение к начальству, тем более к своим командирам, с которыми постоянно находились во всех и тренировочных, и боевых событиях, «подкалывать» себя мы не разрешали.

На некоторое время каждый занялся своими делами, до тех пор, пока Валерий Витальевич не привлёк всех нас своим рассказом. Говорил он певуче, не спеша, будто наслаждаясь этой историей.

...Розин родился в феврале 1941 года. В год начала самой ужасной войны, пережитой нашим народом. Остался без родителей в малолетнем возрасте. Мама умерла от тяжёлой бо-

¹⁵ Мы победим! (исп.).

лезни, отец ещё раньше погиб на фронте. Воспитанием Валеры занялись многочисленные тётушки и бабушки. Тяжелейшие испытания на него свалились с детства. Голод, нужда, но он был всегда окружён заботой и любовью близких. Поэтому и был он человеком непритязательным, без амбиций, но стойким и выносливым, как стальной прут: ни согнуть, ни ржавчиной испортить. Учился хорошо, окончил институт. Наверное, в память о родителях, ушедших из жизни во время войны, немецкий язык он выучил в совершенстве. Попал на работу в органы государственной безопасности – в территориальное управление в далёком сибирском городе Кемерово, где и жил в то время. Оперативная работа сразу же понравилась, это было его призвание. Появились первые значимые результаты, да и начальство было довольно: хорошего парня подобрали. Но на него обратили внимание и разведчики. Интеллигентный, грамотный, свободно владеет немецким языком, отличный спортсмен – лучшей кандидатуры и не пожелать. После бесед и дополнительного тестирования направили на учёбу в Балашиху. А тут начались события в Афганистане. Как одного из самых профессиональных спецназовцев, имеющих холодную голову и к тому времени уже прекрасный оперативный опыт, – назначили командиром штурмовой группы самого, пожалуй, сложного объекта: здания Генерального штаба армии Афганистана. Только охрана помещения – более двухсот солдат, и внутри – штабные офицеры и генералы. Подобрали группу таких

же, как Розин, решительных и бесстрашных людей. Всего 22 человека. Захват провели мгновенно, мастерски используя оперативный опыт и умения спецназа. Практически без потерь. По завершении операции его наградили орденом Боевого Красного Знамени, хотя представление ушло на звание Героя Советского Союза. Потом его пригласили работать в «Вымпел». Назначили начальником отдела. Через него, если можно так выразиться, прошли почти все, кого брали на службу в ОУЦ. Без практического оперативного и боевого опыта этого человека не было бы той правильной канвы, по которой шли и обучение, и боевая работа наших отделов.

– Расскажу я вам быль из жизни предков наших великих, – начал неожиданно Розин. – Звались они тогда «Русичи». Отцы и дети – сила моя, гордость моя, боль моя...

* * *

Прекрасное солнечное осеннее утро озарило ладно скроенные домики, дремавшие на опушке сказочного леса. Лес вокруг стоял ещё зелёный, но уже с пробивающимся золотом увядания природы. Ниже небольшого хутора, притихшего на этой опушке, через деревья просматривался полноводный изгиб мощной реки.

Здесь шла своя размеренная жизнь. Живущая в этом месте семья своими стараниями превратила это место в уютное жильё. Отец, высокий, ладно сбитый, русоволосый и го-

лубоглазый мужчина, стоял около большого дубового стола и показывал своему старшему сыну, которому было лет семнадцать, искусство обращения с топором. Он небольшим чеканом¹⁶ мастерски вырубал фигуру какого-то ещё неизвестного лесного жителя. Движения его были настолько точны, что фигурка сказочного персонажа появлялась прямо на глазах внимательно следящего за этим подростка. Рядом стояли ещё два наследка¹⁷: четырнадцатилетний, очень похожий на своего отца, и другой – совсем маленький, белокурый, в длинной льняной рубашке. С улыбкой и удовлетворением наблюдала со стороны за этим красивая женщина. Жена. Мать. Она попеременно помешивала в большой лагвице¹⁸ пахучее варево из мяса и грибов и одновременно живо накрывала на стол. Вокруг распространялся запах вкусного грибного блюда. Около стены крепко срубленной избы на витиевато сделанной деревянной скамеечке, на солнышке, сидел дед, высоко задрал голову и подставив солнцу своё лицо с большой длинной седой бородой. Он прищурил глаза и признательно размышлял, что судьба подарила ему такого замечательного сына. От печки с большим караваем хлеба спешила к столу его супруга в червлёном¹⁹ сарафане, когда-то красивая и бойкая, а сегодня седая, с добрым лицом

¹⁶ Чекан – топор (*старослав.*).

¹⁷ Наследок – потомок (*старослав.*).

¹⁸ Лагвица – чаша (*старослав.*).

¹⁹ Червлёный – красный (*старослав.*).

старуха.

Эта семья обосновалась здесь уже лет сорок назад. Тогда ещё молодой сероглазый парень и его жежёнка²⁰ присмотрели эту поляну и начали строить своё жилище и воспитывать детей. Благодатный лес окрест²¹, река, полная рыбы. Чуть ниже опушки – большая возделанная поляна с пшеницей. И сегодня дед, отец семейства, был удовлетворён итогами своей жизни.

Вдруг старик резко открыл глаза. Слух его стал уже не тот, что раньше, но он, лесной житель, чётко уловил перемену в щебетании птиц. «Чужие!» – пронеслось в его голове. И действительно, на дальней опушке леса, справа от реки, медленно и осторожно, как стая, пробиралась группа ратно-одетых и вооружённых мечами и копьями людей. Дед почувствовал их хищные взгляды, колюче выхватывающие за деревьями постройки, обнесённые высоким мощным частоколом. Они стали совещаться на гортанном языке, с какой стороны лучше нанести удар...

Тревога деда передалась женщинам. Они встрепонулись, как две большие сильные птицы, и влетели в дом, нет, не для того, чтобы спрятаться, а для того, чтобы принести оружие. Отец бережно отложил топор, выпрямился во весь рост и стал тревожно всматриваться в пришельцев, суесящихся на опушке, оценивая их силу, вооружение и намерения... Вра-

²⁰ Жежёнка – молодая жена (*старослав.*).

²¹ Окрест – вокруг, около (*старослав.*).

ги! Они пришли не с добром. Захваты чужого имущества и уже обработанных земель в последнее время на Руси стали частым явлением со стороны языков²², живущих на полудне²³. Они были безжалостны и жестоки.

Отец подвязал потуже пояс на широкой белой рубахе, взял в руки кожаную епанчу²⁴, скреплённую мелкими и частыми металлическими колечками, которую поднесла ему жена, уверенно надел её на себя. Потом он сдёрнул из-под навеса какое-то устройство, напоминающее заплечную корзину, взял в руки самого маленького мальчика и, водрузив дитя в это приспособление, закрепил его у себя за спиной кожаными ремнями. Потом медленно надел остроконечный блестящий шелом²⁵ и закинул за спину, практически полностью закрыв сходотая²⁶, большой круглый щит. За ту самую верёвку, которой только что подпоясался, засунул тот самый маленький ладный топорик, которым только что работал, а в руки взял два обоюдоострых харалужных²⁷ меча. Одновременно он продолжал следить за опушкой поляны, но всё-таки больше всматривался в лицо среднего сына. Старший уже понимал опасность ситуации и даже успел сбегать в избу,

²² Языки – народы (*старослав.*).

²³ Полудне – юг (*старослав.*).

²⁴ Епанча – войлочный или кожаный панцирь (*старорус.*).

²⁵ Шелом – шлем (*старослав.*).

²⁶ Сходотай – выходец, потомок (*старослав.*).

²⁷ Харалужный – булатный (*старослав.*).

притащив оттуда острый, ещё тяжёлый для него, но уже привычный свой меч. Отец в последнее время учил его рубиться на мечах, и мальчик уверенно владел оружием, защищался щитом и точно кидал сулицу²⁸. А вот средний только приступил к этой нелёгкой науке... И отец, как мудрый наказатель²⁹, сейчас думал только об одном: взять ли его на бой с врагами или оставить с женой и родителями в доме.

Средний смотрел на отца с надеждой и мольбой. Он мечтал в трудный момент быть рядом. Отец кивнул, и мальчик, улыбаясь, сразу же схватил уже принесённое дедом маленькое острое копье и небольшой, специально изготовленный загодя для него, совершенно новый, красивый круглый щит. Отец понимал, что, если, выйдя на бой в лесу с неизвестными людьми, проиграть, враги не пощадят никого. Всё будет сожжено, разрушено, а дети, в том числе и этот, – убиты. А так, в этой неравной схватке, юный воин, укрываясь за щитом, сможет отвлечь на себя хотя бы одного врага, и тем самым у отца появится возможность победить.

Люди от опушки леса стали стремительно приближаться к дому. Расстояние до них было саженей сто...

Женщины и старик в это время запалили факела и развели в очаге огонь посильнее. Дед с факелом стал подниматься на вышку, сооружённую рядом с домом. Она была раза в полтора выше самого высокого дерева в этом лесу. Эта вышка

²⁸ Сулица – короткое метательное копье (*старослав.*).

²⁹ Наказатель – наставник, учитель (*старослав.*).

была дозорной и для охоты на зверя служила очень удобным подспорьем. Если наверху этой вышки, где были специально приготовлены в металлическом коробе смоляные сильно дымящиеся поленья, разжечь огонь, то сигнал этот будет виден и в том верхнем посёлке славян, где жили дети деда и великая дружина³⁰. Женщины же готовы были, по команде мужчин и в случае гибели шедших навстречу врагам трёх воинов, закрывшись в доме, подпалить все постройки. Готовность их сгореть была понятна, потому что навь³¹ их всё равно пришла бы через несколько минут, но с мучениями, поруганиями и грехом.

Отец уверенно шёл по знакомой с детства, излазанной на брюхе и коленках родной земле, где каждая кочка, корень и ямка были знакомы. В руках он уверенно держал два крепких клинка. Обочь³² шли два юных воина. Гордые и воодушевлённые делами своего великого рода. Но наибольшую одухотворенность и силу придавал этому великому шествию ребёнок за спиной у отца... В лучах утреннего жизнеутверждающего солнца мужчина сам напоминал ангела с крыльями за спиной. Какую силу характера нужно иметь, чтобы нести за спиной начинающуюся юную жизнь и быть уверенным, что это – не помеха для него, но – самая большая защита, придающая уверенность в победе! С такой ношей ты

³⁰ Дружина – товарищи, община, спутники; войско; жена (старославянское).

³¹ Навь – смерть (*старослав.*).

³² Обочь – рядом (*старослав.*).

никогда не повернёшься спиной к врагу, не отступишь, не сдашься, а силы твои будут в сто раз увеличены единением Рода.

Их было трое воинов и ещё ангел за спиной против десятых врагов. Они медленно сблизились. Десять чужих воинов, с каждым шагом приближаясь, начинали испытывать непонятное для них смятение перед этой группой людей, вышедших им навстречу. Когда они смогли различить за спиной воина ребёнка, укрытого щитом, ими начал овладевать ужас... Маленький воин с копьём и большим щитом оказался мальчиком! Такой же мальчик, только чуть постарше, был с другой стороны! Для них это было непонятно. Они органически чувствовали, как дети, с каждым шагом приближаясь к ним, наполняются духом и силой отца. Это – единое целое, это – семья, это – род, это – непобедимое никем и непреодолимое ничем движение навстречу врагу. И этот отец – великий пестун³³. И такой дух с волей к победе и любовью к жизни, что это вызвало панику в стане врага.

Кто он, этот воин с двумя мечами и малышом за спиной, который не плачет, а упрямо смотрит своими голубыми глазами из-за плеча отца на врага? Неужели этот русич так неистово и самозабвенно готов пожертвовать всем, что у него есть в этой жизни, не оставляя себе ни одного шанса на отступление и перемирие?!

Даже страшно подумать, как он, защитник своего рода,

³³ Пестун – воспитатель (*старослав.*).

будет биться и как он безжалостен будет к чужим людям, пришедшим с мечом к его дому...

Какая гордость детям иметь такого отца, а отцу – таких сыновей!

* * *

Горел сигнальный огонь на сторожевой вышке... Языки пламени поднимались высоко над лесом, оповещая всех о приходе Беды, о пришедшем времени собирать Дружину русскую для защиты жён и последков своих...

Настало ли время для нас с вами собираться в бой? За правду, за справедливость, за жизнь достойную?! Где проходит для каждого из нас та граница, пересекая которую мы готовы на всё?

* * *

Розин замолк. А мы все задумались, поражённые услышанным. Каждый из нас в своём воображении нарисовал для себя ту картину далёких событий. Я представил себе и моего далёкого предка. Мы смотрели на убаюкивающее пламя костра, а мысли металась в душе и укрепляли сознание и силу нашего духа... Лес наполнился видениями великих предков... Ради подобных разговоров, в том числе, мы находи-

лись в этом лесу.

Около двух часов ночи на нашу маленькую поляну уверенно вышел человек. Спецназовская форма была мокрой – практически до шеи. На груди – выдавший виды автомат Калашникова с очень коротким стволом и со сложенным прикладом. Из автомата торчали магазины с патронами, по афганскому опыту соединённые вместе между собой изолентой. Такой лентой были обвязаны и антабки³⁴ автоматного ремня, чтобы не было металлического звука при движении. На боку висел большой охотничий нож. За спиной – внушительных размеров станковый рюкзак. Вес рюкзака определить было невозможно. Со стороны казалось, что человек сросся с рюкзаком и этот горб, что был за спиной, он уже давно не замечал. А у меня после рассказа Розина возникло ощущение, что у него за спиной – дитя, укрытое щитом, и крылья ангела. Поражённый, я смотрел сквозь огонь костра и дымок в ночи на фигуру спецназовца, стоявшего в нескольких метрах от меня, и явно видел былинного воина со щитом и ребёнком вместо рюкзака. Он, приблизившись к Розину, легко присел на корточки и стал докладывать командиру: «Отдел в полном составе, совершив марш, прибыл к месту сбора. Потерь и отставших нет».

Мы все ждали их появления. Минут за десять до этого у Розина зашуршала рация, потом пошёл короткий тональный гудок. Розин пошарил под собой и извлёк маленькую чёрную

³⁴ Приспособление для крепления оружия.

станцию, назвал какую-то цифру, в ответ прошипели три пары цифр, на что начальник отдела тоже ответил цифрой. Сессия связи был закончен. Нечего засорять эфир! Это означало, что боевое охранение от базы, нашего ночного костра, выставленное в сторону ожидания, а грамотнее сказать, на направлении вероятного движения противника обнаружило, не открывая себя, появление и проход группы в составе около шестидесяти человек, о чём и доложили по команде. Розин удовлетворённо посмотрел на своего подчинённого и, не раздумывая, произнёс:

– Юрий Игнатьевич, – а это был именно он, Юрий Игнатьевич Инчаков, командир одной из боевых групп, который сейчас выполнял роль начальника отдела и вёл подразделение на марше, – разместите отдел в ста метрах отсюда, – и показал, на южную опушку леса. – Отдых – тридцать минут, организовать приём пищи и через двадцать пять минут с командирами групп прибыть для получения боевой задачи на дальнейшее движение!

Юра Инчаков был моим ближайшим другом. Боевой офицер. Он уже успел побывать в Афганистане и Мозамбике, заслужил орден Красной Звезды. Но, самое главное – это был человек с необычайным чувством юмора и философским, очень мудрым отношением к жизни. Юра из любой жизненной и боевой ситуации выходил победителем. Общаться с ним было легко. Он, как повидавший многое, не терпел неискренности и лжи. Парень с Волги, будучи на службе в армии

в десантных войсках, успел поучаствовать в чехословацких событиях. Для него тем более дружба и честность были обязательными качествами человека. После окончания института его пригласили работать в систему государственной безопасности. «Куда, куда? – спросил его отец, а Юра с ним советовался во всём. – В милиционеры, что ли?» Отец его был фронтовик и непререкаемый авторитет для двух сыновей.

– Нет, батя! В КГБ.

– Понятно, тогда беги и с ночи – очередь занимай, чтобы тебя никто не опередил...

От отца Юра напитался той живостью и весёлостью по отношению к жизни. Родителя своего он искренне любил и гордился им. Его выражение: «Осторожность – мать фарфоровой посуды!» – тоже от бати. Любил Юра рассказывать про него:

– Однажды приехали в деревню на Волге, где когда-то проходило детство отца. Увидели бабушек, которые сидели на крылечке, греясь на солнышке. «Это чьи же вы будете?» – спросили они приезжих. «Инчаков Игнат», – проговорил отец. «А, помним-помним! Маленький ещё тогда был, без штанов бегал...» – наперебой заговорили бабушки. «А сколько же вам лет, девушки?» – в свою очередь спросил Инчаков-старший. «Нам уже... кому 66-й годок пошёл, а Матрёне – 68-й... Сынок, а шо?» «Да мне, бабушки, уже семьдесят один! Вот так-то, дочки», – со смехом добавил отец.

Я успел подставить Юре свою кружку чая, а он с благодар-

ностью, пока разговаривал с Розиным, отхлебнул пару глотков бодрящей жидкости.

Запиликала станция у Кириченко. Его разговор в эфире был без цифр. И та и другая сторона перечислила названия деревьев и растений. Кириченко удовлетворённо хмыкнул. Было понятно, что и его отдел тоже прошёл через его же секрет. Значит, минут через 7–10 будут здесь.

Догорал костёр на нашей уже почти домашней поляне. Начальники отделов, Розин и Кириченко, уже были готовы к дальнейшему движению. Рюкзаки тщательно упакованы, сверху чернели автоматы.

А у меня из головы не шли две истории, рассказанные в этом лесу. Они были совершенно о разном, но вместе с тем продолжали одну и ту же тему. Хватит ли у меня мужества поступить так же, хватит ли у меня мудрости не пролить безвинную кровь? Выбор – за каждым из нас! Но подсказки эти делали нам наши отцы-командиры. Своим опытом и терпением, пронесённым через свои сердца.

Ещё через какое-то время Инчаков привёл командиров боевых групп. Собрались кружком вокруг Валерия Витальевича. Он неторопливо достал из внутреннего кармана запечатанный пакет. Посмотрел на часы, сказал:

– Два часа шесть минут! – И все остальные уточнили своё время, подкрутили часы, поставили время командира. Открыв конверт, Розин сначала сам быстро прочитал вложенную бумагу (её содержание ему заранее не было известно) и

заговорил:

– Выдвигаемся по маршруту... – Все достали карты и отметили путь движения. – В десяти километрах отсюда – условная граница, ожидается противодействие противника. Мы должны пройти вот этим коридором, – ткнул он в карту. – В этом месте на протяжении полутора километров будут выставлены секреты, проволочные заграждения, сигнальные мины и другие ухищрения, на которые способен противник. Задача – миновав заграждения, выйти к деревне N и провести тайниковую операцию. Там будет задача на следующий этап. Я иду с вами в качества посредника...

Инчаков определил с командирами групп маршруты, поставил задачу на марш, потом отвёл меня в сторону.

– Нельзя облажаться при прохождении участка противодействия, – прошептал он мне почти в ухо, – поэтому за километр до рубежа ты пойдёшь в головной дозор... Придумай, как нам не наткнуться на секреты и проволоку.

Розин, видя наше шушуканье, хмыкнув в усы, сам затушил костёр и начал маскировать землёй и травой место кострища. Ему помогал Толя Чуткой. Через пару минут даже опытный следопыт не смог бы найти признаков пребывания здесь людей. Кострища не видно, мусор и баночки закопаны, кусты и трава расправлены.

Мы выстроились в колонну. По цепочке прошёл беззвучный сигнал, и отдел двинулся по заданному азимуту. Группа растаяла в лесу беззвучной змеёй.

Отдел Кириченко – другая мощная анаконда, двинулась в своём направлении. Теперь наши пути разошлись. У каждого – свой маршрут и своя задача.

Поднялся ветер, и сразу же громко и шумно стало от колыхания макушек деревьев. Это было нам как нельзя на руку. Шум ветвей сверху маскировал шорохи от движения по земле десятка ног идущих людей. Впереди находился головной дозор, который прокладывал кратчайший и безопасный путь к указанной точке. Два самых опытных в ориентировании офицера вели подразделение. Луна, крупная и яркая, освещала верхушки сосен, в некоторых местах, даже под ногами, видно было очень хорошо. За дозором, на расстоянии видимости, иногда это было метров 30–50 (иногда – более, когда лес становился редким), двигалось так называемое «ядро», основная группа отдела. В начале «ядра» шли молодые и крепкие физически офицеры, их задача была, если даже головной дозор не обнаружит опасности, принять на себя удар противника, дать возможность уйти основной группе. Как это должно происходить, каждый из нас знал. Были разработаны свои маршруты ухода и места сбора. Знали, кому принимать бой и проводить отвлекающие действия. Знали, кому без оглядки, не обращая внимания ни на что, убежать. Потому что первое упражнение спецназа – это бег.

Далее в основной группе шёл Инчаков, как начальник отдела, за ним – радист и офицер, его помощник. За ним – специалист по минно-взрывной подготовке. Через одного чело-

века шёл Валерий Витальевич, ему было важно видеть все действия Инчакова. Каждое его движение, как и прохождение команды, и даже в каких-то местах его нерешительность не ускользала от глаз опытного командира. Он, довольный, хмыкал в усы. Розин вообще был человеком, который по мелочам к своим подчинённым не придирался. Но были вещи, которые он не прощал. Он не прощал непрофессионализма, глупости и подлости. Это был человек, никогда не выносивший, что называется, «сор из избы». Он очень уважал каждого в отделе, от полковника до прапорщика, досконально знал личные качества офицеров и понимал, кто на что и в какой ситуации способен. Попастъ служить в его отдел было непросто, но почётно. Мы все отвечали ему любовью и привязанностью. Огорчить его было для нас недопустимым.

Отдел растянулся в общей сложности метров на 250... Но мы шли, чувствуя друг друга. Это был сплочённый, понимающий все его составные части, единый организм. Даже в этой тьме, в густом лесу, невозможно было кому-то вдруг отстать или потеряться. Здесь всегда царили взаимопомощь и поддержка.

Этого добились все оперативно-боевые отделы «Вымпела», чему предшествовала долгая и кропотливая работа по сплочиванию людей. Всё начиналось постепенно, под руководством опытных преподавателей.

Сегодня лес был нашим домом. Многие, если даже не все, чувствовали себя в такой обстановке лучше, чем в городе.

Мы знали в лесу всё. Умели на ощупь определять по коре деревьев стороны света. Мы знали травы, которые добавляли в наш чай, мы умели слушать лес, мы любили лес. Лес нам отвечал тем же. Лес любил нас. Мы никогда не приносили вреда деревьям и лесным жителям, мы берегли его, и он всегда нас оборонял, скрывал и согревал. Лес был ещё одним членом нашей группы.

Я шёл через пару человек за Розиным. Идти было легко, хотя темп движения был очень высоким. Не отставая от впереди идущих, дистанцию держал три-пять метров и поглядывал назад, чтобы не потерять идущих за мной. Во время движения каждый, за исключением командиров и радиста, должен был наиболее тщательно наблюдать «свою» сторону – или влево, или вправо. Я внимательно всматривался в положенную мне сторону и имел время поразмышлять:

– Инчаков определил меня в дозор на наиболее сложном этапе пути, потому что знал, что некоторое время назад я прошёл подготовку в спецназе Кубы. Полгода интенсивных занятий на Тропе Че Гевары для нас, двенадцати человек, даром не прошли. Сейчас в ядре отдела, на этих учениях шли, кроме меня, ещё три человека. Кубинская подготовка позволяла без применения технических средств, с помощью только рук и тела искать и обнаруживать заграждения в виде натянутой проволоки и мин в земле. При этом передвигаться абсолютно бесшумно и скрытно. На этом участке – думал я – будут только натяжные нити в виде проволоки под освети-

тельные ракеты и верёвки под всякие шумоиздающие предметы. Мин в лесу, тем более не на тропах, они ставить не будут. Ну и мы тропами не пойдём. К месту мы подойдём часа в четыре ночи. С четырёх до пяти должны миновать опасный участок. Время хорошее – самое сонное для секретов. Плохо, что луна яркая... – я попытался вспомнить карту... – лес там достаточно густой. Если командир у них неопытный, то секреты поставит на всю ночь... Значит, спать будут, надеюсь на заграждения. Сработает – тогда война, не сработает, можно «пощимить» (что в солдатском лексиконе означало подремать, но не сильно). Значит, человек, если на него случайно не наступить, не опасен. Мы идём тихо, без шума. Не заметят и в пяти метрах. А вот проволока... Как её найти в темноте?

Шедший передо мной неожиданно поднял руку и остановился. Я сделал то же, всматриваясь вперёд и в свою сторону одновременно. Я знал, что за мной произошло то же самое. Стоять больше двух секунд нельзя, поэтому, как только опустился на корточки впереди идущий боец, я тоже присел.

Если наблюдать за этим со стороны и при свете, то было бы похоже на эффект падающего домино: остановился, поднял руку, сел. Эта волна по отделу прошла быстро, всего лишь за считанные секунды. Все сидели, затаившись, на корточках, каждый смотрел в «свою» сторону и тяжело дышал. А остановились потому, что головной дозор обследовал большую поляну. Инчаков думал: «Сократить время и пере-

сечь поляну поперёк или не рисковать и обойти по опушке?» Дозор ждал команды, всматриваясь в противоположную сторону чернеющего леса.

Юрий Игнатьевич обернулся, и к нему тут же, по сигналу, подскочил его помощник. Достал специально заготовленное небольшое одеяло, закрыв командира с головой. Под одеялом загорелся фонарик, и у земли появилась тоненькая, слабая полоска света. Помощник придавил её ногой. Юра рассматривал карту: «Как быть?»

Пошли вдоль леса по опушке. Правильно, Юра! «Не надо неожиданностей, – подумал я, – или, как он сам говорил: осторожность – мать фарфоровой посуды».

В движении я через несколько минут вернулся к своим мыслям: «Как найти проволоку в темноте? Она может быть от земли от 10–15 сантиметров до полутора метров сверху. И ниже, и выше ставить её бессмысленно. Если искать при очень медленном движении, то обнаружить, конечно, можно, но до рассвета не управимся, а при свете утра нас тут обнаружат без проволоки и сигнальных мин... Как быть? Где теперь больше всего сосредоточено секретов? Скорей всего, в центре и по краям участка. Значит, проходить в районе трёхсот метров от середины... При обнаружении – заграждения не снимать, обозначать, оставлять человека и проходить дальше...» – так я и шёл в центре колонны и решал свою шахматную задачу.

К четырём часам отдел, дойдя до обозначенного рубежа,

как и прежде, по закону падающего домино присел на землю.

Я понял: наступил мой час.

* * *

Инчаков повернулся ко мне и подал сигнал. Мне хватило нескольких минут, чтобы произвести подготовку и небольшую перегруппировку. Я отобрал четырёх человек, которые прошли обучение в спецвойсках Кубы. По моей команде все разделись до трусов. На нас были надеты только зелёные кубинские шорты и кроссовки. Через плечо перекинута небольшая сумка, чем-то похожая на сумку из-под противогаза. В ней находились карта для ориентирования на местности, плоскогубцы для прохождения проволочных препятствий, палочки для обозначения мин и проволочных ловушек и фонарик для подачи сигналов. Радиостанции были по приказу командира отключены ещё час назад. Был объявлен режим радиомолчания. Если у нашего противника есть радиосканеры или какая-либо другая аппаратура радиоперехвата, это дало бы ему преимущество в обнаружении нас. Такого шанса ему дать мы не могли. За спиной – автомат. Рюкзаки со всем остальным имуществом распределились в ядре отдела. Голое, влажное после длительного перехода тело мгновенно облепили комары. Из сумочки, которая болталась через плечо, достали маленькие пластмассовые бутылочки с заранее надавленным соком трав. Обтёрли все от-

крытые участки кожи – это придало телу матовый оттенок и приблизило нас к цвету и запаху травы. Нет, мы не стали невидимыми. Мы убрали яркую белизну и отблески человеческой кожи. Мы слились с цветом ночного пространства.

Отдел продолжил движение. Я резко взял влево и, пройдя метров триста, опять вышел на прежний азимут. Дойдя до предполагаемого рубежа, где могли начинаться заграждения, начал водить снизу вверх руками. Со стороны это напоминало пасы Алана Чумака³⁵, «заряжающего» воду. Автомат за спиной, сумка на боку, руки – абсолютно свободные. Именно они – от ладони до плеча, где кожа наиболее чувствительная, а также – голые голень, бёдра, грудь и даже лицо, были именно теми участками тела, которые и должны определить препятствие, осторожно коснувшись его! Напряжение моё возросло до предела. Я не смотрел по сторонам, эта задача была идущих за мной шаг в шаг остальных четырёх помощников... Всё своё внимание я сконцентрировал на двух метрах пространства впереди себя. Сначала движения были медленные и плавные, но через некоторое время они стали более стремительными, продолжая оставаться такими же тягучими. Появился спокойный, продуманный азарт. Метров через двести я «поймал» первую нить, проволоку! Она была на высоте пояса человека. Заметил я её даже раньше, чем прикоснулся. Поскольку движения рук я начи-

³⁵ Ведущий телевизионных программ, называющий себя целителем и экстрасенсом.

нал практически от земли, затем поднимал их выше человеческого роста, то и тело моё находилось, соответственно, в положении «сильно согнувшись», – «поза собаки». Преграда оказалась прямо перед моими глазами. Это оказалось стимулирующим элементом: мы идём по правильному маршруту, а главное – тактика, выбранная в данном случае, сработала! Мы можем их обнаруживать, а значит – преодолевать. Расстояние между идущими сократилось до минимума. Сейчас дистанция была в один шаг. Указав препятствие идущему сзади, я продолжил поиск. Задача обеспечить проход была понятна всем. Всё делалось без единого звука, человек, перехвативший нить, затем передавший её первому в основной группе-ядре, возвращался и становился последним в головном дозоре, а тот, который обеспечивал проход всего отдела, становился последним в тыловом охранении.

Ещё метров через двадцать, на уровне чуть ниже колена, была натянута проволока, явно от сигнальной мины. Одним концом она была привязана к небольшому дереву, а другим уходила далеко в кусты. Я воспользовался плоскогубцами, перекусил проволоку с одной стороны, предварительно установив заточенную палку, при этом не меняя натяжения нити, закрепил проволоку в стороне от движения группы. Здесь даже можно бы было и не оставлять человека для страховки. Но мы учимся, поэтому ещё один офицер обеспечивал проход этого участка, пока не оказался последним в колонне.

Бросок отдела был стремительным и продуманным. Не

произнесся ни слова, как единое целое, колонна бежала вперёд. Если прислушаться со стороны, не видя бегущих людей, будет слышен как будто нарастающий шум ветра. Что-то услышал, напрягся, а шум ветра уже стих. Только три препятствия задержали на несколько секунд общий слаженный порыв. Когда появились первые признаки восходящего солнца, группа была уже далеко от рубежа противника. Нам удалось пройти через заграждения, как горячему ножу сквозь масло.

Инчаков перевёл опять нас в ядро. Мы переоделись и продолжили путь. Задача, поставленная командиром, была выполнена. Розин, внимательно наблюдавший за нами со стороны, ни разу не вмешался, но было видно, что он доволен.

За спиной, примерно в двух километрах позади нас, возник противный характерный шипяще-свистящий звук. Утреннее небо, уже совсем серое, озарилось вспышками ракет. Это сработало моё устройство – замедлитель на последнюю сигнальную мину. Наш привет границе! Сзади, на месте сработки мины, прозвучала длинная автоматная очередь. Это, видно, часовой палил спросонья холостыми патронами во все находящиеся поблизости деревья. Конечно, это нарушение с моей стороны и секретности, и безопасности нашего дальнейшего движения. Ну, ничего не смог с собой поделаться – внутри у каждого из нас таилась мальчишеская бесшабашность. Вспомнился случай: не так давно отрабатывали секретное проникновение на один действующий, очень

по-серьёзному охраняемый объект. Забор из колючей проволоки, который срабатывал от прикосновения, контрольно-следовая полоса шириной метров восемь и постояннодвигающиеся дозоры вдоль участка. Так вот, когда исследовали место для проникновения, наш Коля Швачко оставил на КСП след своей огромной ноги, демонстративно и специально. Потом, когда его спрашивали: «Коля, зачем?», отвечал: «Пусть знают! Идём на вы!» А преодолели этот участок с помощью устройства «журавль», которые используются в некоторых местностях у нас в России, но чаще на Западной Украине в колодцах, чтобы доставать ведро с водой. За пару минут установили его перед забором, перенесли по воздуху трёх наиболее лёгких на ту сторону, демонтировали и замаскировали место перехода. Когда спецназовцы, «погуляв» по объекту, заложили в определённых местах учебные мины, таким же способом перенесли их обратно. Задачу мы выполнили, но, кроме того, на объекте были после этого произведены серьёзные улучшения по охране. Так что от наших учений была и большая практическая помощь.

Темп движения увеличился. Времени до точки проведения лесной тайниковой операции оставалось совсем немного. Включили радиосвязь. День наступил, в лесу стало совсем светло.

Километра за два до нужной нам деревни командир дал распоряжение искать место для днёвки. Нашли участок леса погуще и потемнее, кусты – совсем непролазные, рядом – ма-

ленький чистый ручеёк. Каждый занялся своим делом. Большинство, распаковав рюкзаки, наскоро перекусив сухим пайком, быстро заснули. Длинная, тяжёлая ночь – лучшее снотворное. Были и те, кому пока было не до сна. Во все стороны выставили секреты, выполняющие роль боевого охранения, их тщательно замаскировали. Ушла группа из трёх человек с радистом для организации связи с центром. Командир составил донесение, которое зашифровал и передал радисту в виде набора цифр. По правилам сеанс связи должен проводиться не ближе двадцати километров от базы. Значит, ребята уходили минимум на шесть-восемь часов. Радиостанция на этот период у нас была лучшая: мы получали устойчивую связь из любого конца мира. Она была быстродействующая и «выплёвывала» тот набор цифр, который записал радисту командир, за пару секунд, да ещё в виде «абракадабры», поэтому перехватить, а тем более расшифровать такое сообщение было практически нереально.

Главная на данный момент по значению группа из шести человек готовилась выдвинуться в деревню и забрать имеющуюся информацию. Инчаков долго и въедливо инструктировал командира.

– Переоденьте трёх человек в гражданку, трое – в спецназе. – Юрий Игнатьевич говорил и одновременно водил веточкой по развёрнутой карте. – Наблюдайте за нужным вам домом не менее часа, точку для наблюдения выберете сами на месте... В случае обнаружения засады – на связь с аген-

том не выходить. После проведения встречи, даже если всё хорошо, – возвращение на базу по маршруту. – И он стал показывать длинный обходной путь, сначала в другом направлении, петляя, и только потом – к базе.

На это непростое мероприятие Инчаков решил послать Фариду Галеева – одного из опытейших командиров групп. Он был искусный оперработник. В любом населённом пункте он и его ребята сливались с местными жителями практически мгновенно. Общительный, дружелюбный, да и по внешнему виду на спецназовца непохожий. В любом месте он сразу же становился своим. Его татарская внешность и живые умные глаза располагали к себе и председателя колхоза, и простого конюха.

– В деревню, – стал размышлять Фарид, – мы пойдём вдвоём, по легенде – якобы строить животноводческий комплекс. Документы – всякие планы, схемы, сметы на строительство и даже список бригады шабашников из Татарии – у меня есть. А заезжать будем... – он взгляделся в карту, – вот из этой деревни на попутке.

– Утверждаю.

– Осмотримся, – продолжил Галеев, – а уж потом проведём встречу.

– Только не задерживайтесь.

– Как не задерживайтесь? А к вдовушкам зайти? – начал было подшучивать Инчакова Фарид. – Молочко, сало...

– Я тебе дам сало! Ты же мусульманин, – заулыбался

Юрий Игнатъевич.

– В чёрном теле подчинённых держит! – сказал опер, обращаясь уже к сидящему рядом Розину.

Минут через пять группа Галеева ушла на встречу. Раннее утро было удивительно прекрасным. Вовсю заливались птицы. Лесная жизнь шла своим чередом. Командиры, быстро перекусив, улеглись спать. Лагерь, кроме охранения и часовых, замер.

Жизнь возобновилась, когда вернулась группа Галеева, а через какое-то время – и радист с охраной. Они, коротко доложив о результатах, направились отдыхать. Инчаков вместе с Розиным долго изучали полученные документы и со встречи от агента, и телеграмму из Центра. Всмотривались в карту, что-то записывали, высчитывали. И, наконец, дали команду на сбор командиров боевых групп. Начал говорить Юрий Игнатъевич:

– У нас две новости. Одна – плохая, другая – совсем плохая, – пытаюсь шутить, сказал он. – С какой начать?

– Давай уж с совсем плохой... Приятнее будет потом просто плохую новость послушать, – сказал Юра Сорочкин и засмеялся. Остальные только улыбнулись. От юмора Инчакова никто уже ничего хорошего не ждал.

– Информация, полученная от нашего человека в этом районе, очень разнится от телеграммы из Центра, – угрюмо высказался Юрий Игнатъевич. – Может получиться так, что будет невозможно выполнить часть поставленных задач...

Или кому-то придётся взять на себя два объекта. К сожалению, они удалены друг от друга на расстояние двухсуточного перехода. Кроме того, после перехода границы сегодня ночью у нас – двое «тяжелораненых». Так считает Центр. Якобы за то, что мы напоролись на «секрет» противника...

– Что они в штабе, охренели? – зашумели практически все. Мы границу прошли без проблем...

– Телеграмма составлялась, скорее всего, ещё вчера, – вставил слово Розин, – они были уверены, что хотя бы на один секрет мы нарвёмся...

– Валерий Витальевич, – заговорил Сорочкин, – это несправедливо. Во-первых, границу мы прошли нормально, а во-вторых, двое «раненых» – это минус, – Юра на минуту задумался, – минус минимум двенадцать человек из отдела, кто работать останется?

– А фамилии «раненых»?

– Цыбенко и Павлов.

– Ещё не слаще. И двух командиров из строя вывели, – опять стали возмущаться все.

– Мне тоже это не нравится, – необычайно жёстко заговорил Инчаков. Все притихли. – Штаб сегодня не за отделом Розина наблюдает, а за моей работой. Вот вам – хрен, а не розовые пышки! – обратился он куда-то вдаль. – Ничего у них не получится. Я сделаю всё, чтобы выполнить все задачи и со всеми их вводными.

– Отдавай приказ, командир, – поддержал его Валерий

Витальевич.

– Группа Фариды, – Инчаков повертел головой, пытаясь его найти, но, вспомнив, что тот отдыхает после дневной операции, обратился к присутствующему здесь его заму Вячеславу Иванову:

– Слава! Ваша группа после вечерней встречи с агентом заберёт его в лагерь. После информации, которую он передал сегодня, ему оставаться здесь небезопасно. Принято решение переправить его в Центр. Поэтому он поступает в вашу группу... Лично, головой отвечаешь за его безопасность! В ваше распоряжение поступает группа Цыбенко, пускай сами и тащат своего «раненого начальника». К ним же присоединяется «раненый» Павлов. Вы за два ночных перехода должны выйти на место сбора. Там организуете базу и обеспечите вывоз на Большую землю «раненых». У вас в группе 22 человека – вместе с «ранеными» и гостем из местных. Старший группы – Галеев. Сеансы связи: основной в восемь часов, запасной – в двадцать часов, экстренная связь через Центр – в любое время. Вопросы?

– Вопросов нет, – проговорил интеллигентный Иванов. Слава был удивительной судьбы человеком. В отделе его все любили, как одного из самых эрудированных и знающих. Ещё бы, окончил самый престижный вуз – институт международных отношений, прекрасно знал французский язык, на английском говорил практически как на родном. Манеры истинного дипломата, а душа – спецназовская.

– Группа Киселёва, – Юрий Игнатьевич по-дружески прикоснулся ко мне, – вам придётся взять на себя выполнение сразу двух задач! Первая – выдвинуться в район... – он показал координаты на карте, – где нужно обработать крупногабаритный тайник и доставить этот груз на базу. Вторая – в районе, – Инчаков ткнул пальцем в другой конец карты (увидев расстояние, я приуныл) – провести доразведку армейского командного пункта и вывести его из строя. Кроме того, захватить секретноносителя и доставить его в район, – он показал третью точку на карте, – после чего передать его там представителю Центра. Завершением вашей миссии будет марш-бросок на базу... Дополнительная информация по секретноносителю и командному пункту вот здесь, – он протянул мне несколько листов, исписанных мелким почерком и со множеством схем. Была здесь и фотография какого-то полковника – эта информация от нашего агента, полученная сегодня утром группой Галеева. Далее следовало: старший, сеансы связи и... вопросы?

– Юра! Если ты мне дашь четырёх человек дополнительно, – я назвал фамилии офицеров, – то группа...

– Дополнительно людей дать не могу! – резко отрезал в ответ на мою просьбу Инчаков. – У отдела есть и другие неотложные задачи.

– Валерий Витальевич, – обратился я к Розину и, не зная, что именно эти слова уже звучали сегодня, сказал:

– Держит людей в чёрном теле!

Розин и ещё несколько человек, которые присутствовали при первом разговоре с Галеевым, – засмеялись. Я же только чертыхнулся, не понимая, чего тут смешного, отвернувшись, замолчал.

– Группа Павлова, извините, он – «ранен», группа... Арбекова, – продолжил Инчаков, – совершает марш-бросок до района... – все опять уткнулись в карты, Инчаков указал точное место, – проводите поиск крупногабаритного тайника, изымаете его содержимое и вот в этом провинциальном городе проведёте передачу груза нашему агенту. Условия выхода с ним на связь здесь. – Юрий Игнатьевич взял у Розина заранее заготовленный конверт и передал Арбекову. – У вас, Владимир Борисович, уйдёт немало времени на проведение и подготовку городской операции. Я прошу быть максимально осторожными, там обещали нам очень серьёзное противодействие... Связь – в восемь или в двадцать часов ежедневно. На базу прибыть... Вопросы?

– У меня тоже не хватает людей, – начал было командир последней группы.

– Такие вопросы больше не обсуждаем.

– Ну, тогда вопросов не имеем.

– Прошу всех командиров продумать досконально дальнейший план действий групп, – уже уставшим голосом проговорил начальник отдела. – Раньше, чем через час, ко мне не подходить. Мне необходимо поработать с некоторыми деталями... И Юрий Игнатьевич уединился с Розиним и

несколькими офицерами. Как мы узнали позднее, он пытался сколотить ещё одну группу из людей, которых можно было бы безболезненно взять из каких-либо групп. Шёл мозговой штурм тех задач, которые стояли перед отделом. Примерно то же самое происходило и в отделе Кириченко.

Группа Сорочкина получала боевую задачу уже без нашего присутствия. Были только Инчаков и Розин. Валерий Витальевич одобрил и это решение командира. Даже на учениях бывают секреты. А бывает и так, что по решению Центра ставится практическая задача, включающая в себя некую проверку территориальных подразделений, которую нужно выполнить вне зависимости от учебных процессов. Та составляющая, которая у нас называлась штабом, и формировала учебные и боевые задачи, она и была архитектором. Штаб, через наши физические и психологические «мучения», складывал необходимые кирпичики-подразделения, а командиры и преподаватели цементировали это уникальное сооружение.

* * *

Я прибыл к Инчакову через час и доложил своё решение для выполнения задачи. У меня в группе были молодые, физически крепкие офицеры и прапорщики. Собравшись вместе, в течение предыдущего часа группа оживлённо вырабатывала решение. По нашим, уже неписаным пра-

вилам, имели возможность высказываться все. Ну, во-первых, – это правильно, потому что каждый имел свой опыт и видение ситуации. А во-вторых, все члены группы – это единая семья, вся жизнь проходит вместе. Вместе работаем, вместе отдыхаем, празднуем успехи, вместе «попадаем под раздачу». Любой офицер или даже прапорщик был обучен всему, он был готов выполнять поставленную задачу отдельно. Мы шутили: «Автономен, как подводная лодка». Автономность была не только в том, что у каждого с собой было всё необходимое для действий и в городе, и в лесу, но и потому, что знания у каждого после многих лет обучения были универсальными. Но, кроме того, у всех была своя специализация: командир, заместитель по диверсионной работе, заместитель по оперативной работе, специалист по минно-подрывной деятельности, специалист по наружному наблюдению, снайпер, радист, врач и два разведчика. А значит, каждый имел ещё и дополнительные знания, очень необходимые для принятия единственно верного решения. Каждый обладал правом иметь личное мнение и убеждённо доказывать своё видение ситуации и в целом, и в отдельности, по деталям. Но после принятия решения командиром все работали, как единый организм.

Наша группа снялась с базы минут через двадцать после длинного разговора с Юрием Игнатьевичем и его напутственных слов «перед дорожкой».

Мы уходили первыми.

Люди в лагере где спали, где сидели группами, склонившись над картами. Нас провожали ободрительными взглядами и знаками.

А мы, хорошо отдохнувшие, сытые, разгрузившие свои огромные рюкзаки, насколько это было возможно, «рванули, как на пятьсот». Впереди шли два опытных капитана – Саша Мордвинов и Володя Зайцев. Темп сразу же взяли высокий. Оба – пограничники, окончившие одно из самых престижных военных училищ страны. Хорошие спортсмены, подготовку в ОУЦе проходили уже шестой год. Значит, все необходимые темы ими усвоены и навыки получены. Наши командиры и учебный отдел штаба, которые и планировали учебные процессы, считали, что полный курс обучения офицера отобранного в подразделение, длится семь лет. Поэтому мы все были уже «выпускники». Я абсолютно не переживал за правильность выбранного ими маршрута, скорость движения и безопасность пересечения открытых участков местности. Лишь иногда я искал точку нашего нахождения на местности и удовлетворённо опять надолго прятал карту.

Шли долго, практически всё светлое время суток. Через каждые два часа делали десятиминутный привал. Давали возможность отдохнуть ногам, задирали их вверх, на деревья или на рюкзаки, а тело распластывали по земле, чтобы отдыхала спина. В эти несколько минут успевали поговорить и побалагурить.

На одном из таких привалов вспоминали случай, про-

изошедший на каких-то предыдущих учениях. Тогда с нами шёл помощник начальника отдела Владимир Иванович Голик. Он был значительно старше нас, очень авторитетный и уважаемый полковник. В группе по статусу в это время он был проверяющим, у нас это называлось «посредником»... Наблюдал, оценивал и, конечно, подсказывал. Поскольку, как человек, Владимир Иванович всегда отличался порядочностью, он выполнял функции рядового разведчика, приговаривая: «Не барин – сам сделаю...» Поэтому вместе со всеми прочёсывал местность во время разведки объекта. Тёмная дождливая ночь. Наткнулись на секрет противодействия, практически чуть не наступив на него. Всполошили охранение. Поднялась группа преследования, и человек тридцать-сорок бросились в погоню. «Мы бежали, как зайцы с горы, – рассказывал один из участников этой гонки, – практически сразу растворившись в темноте ночи. Местонахождение группы определяли только по шуму ломаемого нашим неудержимым бегом кустарника и леса. Пробежав километра три, упали в канаву и затихли. Слышали только раздражённые голоса солдат: Куда они делись? Как сквозь землю провалились...»

После того как всё кончилось и группа была в безопасности, Голик произнёс: «Пусть я лучше умру от инфаркта, чем от позора, что меня поймают...» Эти слова одного из наших командиров стали затем определяющими для каждого из нас. Уход от преследования, побег – это одно из самых

важных упражнений спецназа.

Длительное совместное нахождение в лесу имеет две совершенно противоположные стороны, как у медали. Всё подразделение в самом начале делится на пары, затем – на четвёрки. И далее – всё и всегда у них происходит вместе. Рядом спят и бодрствуют, едят, идут на доразведку, составляют отчёт, даже «по нужде» отходят вместе. Одна сторона этой медали – это сплочение, дружеские разговоры, взаимопомощь, гордость от настоящего мужского характера воина, от дела, которому ты служишь. Вторая – усталость, раздражительность от долгого нудного хождения, кажущаяся бессмысленность от «ненужных» приказов и нежелание выполнять грязную чёрную работу: выкопать яму для мусора, замаскировать место стоянки и многое другое... Вы учитесь много лет, но всё равно, овладевая премудростями военного искусства, всё время находите что-то новое, и так – до бесконечности.

С наступлением темноты сделали длинный, на целый час, привал. Развели небольшой костёрчик, приготовили горячую еду, чай и нежились, давая отдохнуть натруженному телу. Завели разговор. В этот раз заспорили о религии:

– Религия – это фактор. Высший фактор – приоритета управления человеком, – говорил Вася Сорокин. Он недавно вернулся из длительной командировки «с югов», его уникальный склад ума был выпестован длительным нахождением в Афганистане. Он хорошо видел влияние мусульманства

на население этой страны. Он профессионально чувствовал эту силу. Мы поначалу тоже подумали, что разговор вёлся именно об этой стране. Но...

– Кто из вас верит в Бога? – вдруг неожиданно спросил Сорокин.

Все промолчали. У каждого из нас – свои отношения со Всевышним. Пока эту тему мы ни перед кем не открывали.

– Мы – материалисты...

– Даже если власть отделила церковь от государства, – продолжил Василий, – эти отделения и откаты есть временные и даже более усиливающие влияние религии на сознание человека. Скрытность и потаённость вызывает всегда больший интерес и возрастающее доверие к запрещённому...

– Не в религии и вере или неверии в Бога заключается развитие человечества, – возразил кто-то из нас.

– Согласен, – попивая чаёк, далее говорил, всё более возбуждаясь, Сорокин, – тем более, христианство напоминает, по аналогии с человеческим организмом, рак. Возникнув в Римской империи – великой и языческой, потихонечку развиваясь по окраинам, «съело» организм – разрушив язычество, а затем – и государство. Стёрло с лица земли памятники, здания, разрушив сознание, память и приоритеты язычников.

– Да, – заговорил Володя Геймур, наиболее начитанный и эрудированный член нашей группы. – Сегодня эта болезнь сидит в самом чреве бывшего великого государства в Риме...

– Ватикан, управляя миром, продолжает развращать сознание человечества.

– Одним из первых актов христианского государства было уничтожение Александрийской библиотеки, 325-й год нашей эры, – блеснул своими знаниями Геймур.

– И походы крестоносцев, чтобы мечом и огнём заставить полюбить Христа. Гордыня – самый большой грех в христианстве... – Наш оратор замолк, давая возможность задуматься над сказанным. – Но гордыня католического христианства – превыше всего! Отрицая любое инакомыслие и признавая только себя как единственно верных... Что это, если не гордыня?! Запретив все формы религиозности и став единственной обязательной властительницей душ и мыслей...

– Попытка крестоносцев уничтожить мусульманство на Востоке, – наконец вставил и я своё слово, – только укрепила силы истинно верующих мусульман...

– Точно, – подхватил Вася, – вот вам, в том числе, одна из реальных причин сегодняшнего восхождения ещё одной «молодой» религии – мусульманства и перехода многих уже христиан в другую религию. – Он опять замолк, а мы все вспомнили одну поучительную историю, которая произошла в Афганистане...

Рассказывали её многие офицеры, прошедшие пыльные дороги этой страны. Рассказывали часто с обидой и досадой, сетуя на глупость кое-кого из начальства. В Афганистане и

религия, и условия пустыни и открытой местности с постоянными ветрами – всё это выработало уже веками сложившуюся традицию ходить «по малой нужде» сидя. Так вот, один из партийных деятелей, прибывший как советник, однажды сказал: «Я их научу ссать стоя...» Никто никого, соответственно, ничему не научил. Но эта фраза, образец беспардонного вмешательства в обычаи и традиции целого народа, была недопустима в нашем понимании, а для того «советника» его карьера на этом и закончилась. Но по таким судили и обо всех русских...

– Люди на подсознательном уровне чувствуют ложь, – продолжал Сорокин, размышляя о христианстве. – И в этом «чистом поле» сегодня видим или материализм, или секты, или... мусульманство.

– А как же православие?

– Православие – это наше почти генетическое состояние... Но разбираться в этом придётся каждому самостоятельно. – Василий неожиданно отвернулся и сделал вид, что задремал. Он не хотел больше говорить на эту тему. Мы должны сначала «пережевать» услышанное. Прожив длительное время в Афганистане, активно работая и принося при этом хорошие результаты, он ясно видел усиление позиций религии среди населения, которое и ранее без неё не могло ступить и шагу. Чем больше «сгибали» палку, заставляя отказаться от Аллаха, тем больше веры прибавлялось у людей. Видно, Василий очень часто и много говорил об этом

со своими «подсоветными». Многое почерпнул из мудрости восточных стариков, не терпелось поделиться со своими братьями. Сказал и... запереживал: «Не рано ли?»

– Человеку не хватает на этом «поле» знаний, – продолжил я, рассматривая спину Сорокина. – Эти темы и государствами, и религиями запрещены и караются смертью. Раньше – открыто, сегодня – скрытно, но неотвратно...

Думай как хочешь, что я имел в виду своей последней фразой. Но под каждым словом моего зама был готов подписаться.

* * *

Допили чай. Тщательно проверили рюкзаки и оружие, чтобы ничего не гремело, затушили и замаскировали костёр и двинулись в путь.

Шли быстро. Сначала яркая луна помогала, подсвечивая лесные дороги и тропинки, но с середины ночи пошёл дождь. Мелкий, противный, через некоторое время превратившийся в ливень. Тучи закрыли нашу небесную спутницу, и стало так темно, что хоть глаз выколи. Двигались по компасу, пока не стало светать. Прятаться от дождя смысла уже не было. Мы стали мокрыми, как часто это и бывало, до нитки. Сухими оставались только топографические карты и вещи, бережно нами хранимые в целлофановых мешочках, – носки, нижнее бельё и планы наших операций. Часа два двига-

лись в темноте, пока небо не стало сначала сереть, а потом за тучами обозначилось солнце и оповестило о начале следующего дня. Стало немного веселей. Кроссовки хлюпали от воды в них, майки и трусы, не говоря о спецназовской форме, были хоть выжимай, удовольствие состояло в одном: нам всё нипочём или, на языке гражданских людей, – по плечу! Но через некоторое время наступил ступор от никчёмности происходящего. «Неужели нельзя пересидеть где-нибудь этот проклятый дождь? Куда мы рвёмся, зачем?»

Примерно в шесть утра вышли к речке. Сырая, мокрая трава снизу – почти выше пояса, ненавистный дождь сверху и – река, через которую надо переправиться. Вышли на берег и, нарушая все правила, столпились у кромки воды.

Мы тоже умели нарушать правила. Происходило это от безнаказанности на учениях. В боевых операциях этого случиться не могло. А сейчас усталость давила на правила. Да и кто может проверить нас в этой глуши, в такое время и в такой дождь?! Здесь только десять «чудаков на букву М», которые собрались в одном месте этого сказочного леса...

Я, как командир, тоже отупевший от усталости, сырости, смотрел на поток коричневой речной воды. Стояли гурьбой, тяжело переводя дыхание. Единственно, кто не поддаётся унынию, – группа прикрытия, стоявшая сзади нас метров за сто. Хотя о том, что у них происходило в головах, можно было только догадываться. Я понимал, что любая команда, которую бы я отдал, вызовет только раздражение. Поэтому

му молчал. Ведь каждый знал, что делать. Саша Мордвинов, офицер, подготовленный физически очень хорошо, но вместе с этим очень острый на язык, с ним лучше не заводить, молча плюхнул свой рюкзак на землю и достал из него надувной матрас. Присев на корточки, стал его надувать. С другого конца прилип к соске другой офицер – Володя Геймур. Достали второй матрас. Надули. Связали их вместе, сделав плот. Загрузили рюкзаки и обувь, вошли в воду. Глубина у берега была сразу же – с головой. Вода обожгла своим холодом. Речка была неширокая, метров двадцать пять – тридцать. Первая группа, переправившаяся на тот берег, отпустила плот, и мы потащили его за веревку к себе. В течение тридцати минут переправились все. Немного углубившись в лес, стали собирать костёр. Поскольку уже рассвело, демаскирующий вид огня нам был не страшен. Человека три колдовало над абсолютно мокрыми хвойными ветками. Дождь уже прекратился, а костёр так и не разгорался... Мы, полностью скинув с себя одежду, стояли в костюмах Адама. Тела колотила дрожь. После холодной воды никак не могли согреться. И тут Саша Мордвинов поучительно заговорил:

– Чтобы согреться, надо не думать о холоде, надо суметь расслабиться и... не дрожать. – И он демонстративно сделал длинный выдох, поднял руки вверх и, кинув их вниз, перестал дрожать. – Ну вот! Сделайте так же... Дрожь тела, – продолжил он, – подаёт мозгу импульсы, отвечающие за теплоотдачу. А уж мозг сделает своё дело – избавит от холода.

Всех продолжало трясти в ознобе, зубы клацали, что грозило сотрясением мозга. А он спокойно стоял, пересиливая холод, как будто был не в сыром лесу, а на берегу Чёрного моря. Все, по его примеру, кто как смог, сделали так же. Общая дрожь прошла. Мы даже все заулыбались. Но у кого-то дёрнулась то ли рука, то ли плечо, и он опять затрясся всем телом. И дрожь его передалась по кругу всем остальным. От этого уже радостно хохотали все, продолжая вместе дрожать. Ещё несколько таких попыток психологической борьбы с холодом никак не могли привести к успеху, но бодрости это добавило всем. Это как-то неожиданно убрало и ту злость, накопившуюся внутри от дождя, холода и усталости. Явно виновных среди нас не было. Кроме одного... Тебя самого, который выбрал такую жизнь!

Краем глаза выжидающе смотрели на колдовство вокруг костра. Минут через пять огонь всё же стал разгораться. И уже всей группой мы столпились вокруг огня, прокручиваясь вокруг своей оси, как шашлыки, подставляя жару языков непослушного пламени разные части тела. Дрожь прекратилась, а в руках у нас появились сначала майки и трусы, а затем штаны и куртки, которые тоже начали наполняться теплотой огня.

Сказка «Двенадцать месяцев»³⁶, летняя сцена на полянке, возле реки, со стороны могла показаться явью! Но этого никто никогда не увидел со стороны. А мы, в свою очередь,

³⁶ Словацкая народная сказка.

были так заняты делом, и в такой глуши нам вряд ли мог кто-то помешать. От этой удивительной группы уже совсем несказочных героев, от наших мокрых вещей и тел валил пар уходящей влаги, сливаясь с туманом и дымкой раннего утра, перемешанный с едким дымом костра.

Сделав вид, что обсохли, мы натянули на себя полу-мокрую спецназовскую форму, двинулись дальше.

Минут через десять – двадцать быстрой ходьбы кровь разогрелась, тело приняло привычный температурный режим, и уже благодаря жаркому телу пар от мокрой одежды валил от каждого и без внешнего огня. Дождь прекратился. Часа через два мы остановились на небольшой привал. Группа вошла в привычный ритм.

Шли целый день. Делали привалы, ели практически не разговаривая. Ноги несли нас к точке, которая была на самом краю карты. Мы должны были успеть!

Дошли к ночи измотанные и, выполнив все необходимые премудрости привала, завалились отсыпаться.

* * *

Когда взошло солнце, а по всем признакам утро следующего дня должно было быть солнечным и ясным, разведдозор уже несколько часов наблюдал за противником. Десяток штабных машин, которые, казалось бы, хаотично, но на самом деле – в определённом порядке, по осмысленно-

му умному плану дальновидного офицера расположились на огромной открытой поляне. Продумано было всё. Со стороны подступающего леса, откуда, вероятно, ждали нападения и возможного наблюдателя, было натянуто несколько линий колючей проволоки, соединённой с сигнальными минами, а ещё была куча малозаметных препятствий. Это такая очень тонкая стальная проволока в виде колец-ловушек, которая на десятки метров распутывалась и намертво прикреплялась к земле. Заметить её, в особенности в темноте, было невозможно, а если попасть в неё ногами, запутавшись, – выбраться из неё уже нельзя. Чем больше двигаешься, тем сильнее затягиваются стальные петли. Если в такую сеть попадали животные, высвобождали их, только вырезав специальными ножницами кусок «пространства» вместе с брыкающимся телом. Со стороны огромного поля стояла невысокая вышка. Местность на несколько километров вокруг хорошо просматривалась с неё двумя часовыми.

Два человека – Юра Егенмурадов и Сергей Шатилкин, ещё в темноте проведя полную маскировку, выдвинулись со стороны огромного поля и лежали метрах в двадцати от границы объекта. Маскировочные халаты заранее, несколько месяцев назад, были обшиты сзади длинными тонкими лентами. И ещё ночью мы, насобирав охапки травы, все вместе навязывали эту растительность большими пушистыми пучками на маскхалаты. Затем, заботливо расправив и придав этому произведению дизайн дикого луга, подходящего по

цвету и характеристикам местности, надели их на разведчиков. Если в этом халате лечь на землю, то человек в нём абсолютно сливался с пространством. Это напоминало бесформенность поля и одновременно – луговое многообразие и разнотравье. Нельзя было отличить человека в нём, даже если в упор смотреть на эту травяную свежую массу, распластавшуюся возле ваших ног. Мы это умели делать уже очень хорошо. Но главными мастерами маскировки были адепты вьетнамского Дак-Конга³⁷, особенно после опыта войны с американцами, и – кубинские войска спецназначения с опытом войны в Мозамбике, Анголе и Латинской Америке. Этот опыт был использован и нами. Чтобы убрать блеск кожи лица и кистей рук, мы надавили сок трав с помощью ложек в своих котелках и, отжав капли драгоценной жидкости через марлю, обмазали улыбающиеся физиономии наших разведчиков. Не забыли и про себя. Лица стали матово-зелёными, чем-то похожими на далёких вьетнамских бойцов. В темноте белели только зубы и горели своей бесшабашностью и любовью к жизни наши глаза.

Итак, разведчики лежали под носом у наблюдателей вышки со стороны, откуда и ждать их было невозможно, и фиксировали всё происходящее. Была налажена внутренняя радиосвязь.

³⁷ Войска специального назначения Вьетнама. Во время вьетнамской войны эти войска очень успешно действовали против подразделений армии США и навели страх и ужас даже на «зелёных беретов».

Теперь нам для полноты данных необходимо было «расшевелить противника», чтобы они побегали, подвигались и дали бы увидеть нам, что и где находится.

В лагере шла размеренная, скучная жизнь. Сменялись ленивые, полусонные часовые. Мы нашли ещё два секрета противника, которые были выдвинуты в лес. Определили палатку со взводом охраны и штабную машину с руководством объекта. В тени навеса, рядом с главной штабной машиной, покуривали двое гражданских. Один из них, опознанный по фотографии, – «наш» секретноноситель, ради которого мы были здесь.

Базу мы организовали за пару километров в лесу. Много лет назад здесь был дом лесника. Дорога полностью заросла и стала непроходимой даже для трактора. От маленького домика остались только стены, а большой, уже дикий фруктовый садик продолжал плодоносить и дал нам дополнительные витамины к нашему рациону.

Большинство из нас были родом из таких русских, украинских, белорусских деревень. Или родились там, или жили у бабушек, проводя незабываемые летние месяцы. Поэтому более комфортного места для нас найти было невозможно. По кустам на солнышке были развешаны всевозможные нехитрые наши вещи: носки, кроссовки, тельняшки, рюкзаки и даже топографические карты. Тепло ласкового солнца забирало из них последнюю влагу.

Решение о том, как действовать, было принято уже в се-

редине дня. Мы знали, чего хотим, и знали, как это сделать. Мы ждали назначенного часа. Это должно произойти ночью.

Подставив под лучи яркого дневного солнца лицо, я раздумывал о «великой случайности»: почему мы вдруг, перед довольно серьёзной частью операции, почти случайно, набрали именно на это место? На карте эти развалины были обозначены не очень понятно.

Я размышлял о том, что дом, где ты родился, поле или сад, наполненный фруктовыми деревьями, с которых ты, будучи ещё ребёнком, сбивал сначала незрелые, а затем ароматные яблоки, по-разному «разговаривают» с тобой и с чужаком, проходящим по этим местам.

Для тебя эти места имеют душу и память. Смысл каждого родного стебелька тебе понятен. У любого постороннего это – только отображение увиденного, даже очень красивого, но всё равно чужого, а не родного. У него не возникает других чувств. Где бы мы ни были, нас всегда тянет в дом, в котором родились, и тем более в сад своего детства. Это то, что мы бесконечно любим. А от того, где ты живёшь, и от тех дорожек сада, по которым бегаешь, зависит смысл и всей твоей судьбы.

Пока мы дышим воздухом этих садов, дом наш – полная и осмысленная чаша. До тех пор и предки наши, жившие по этим же заветам, – живы. И именно эта связь даёт тебе энергетическую подпитку от той земли, на которой ты родился и рос. В детстве моя мама часто отправляла меня в подмосков-

ную деревню Момино. И я знаю точно, что стоит мне только прикоснуться к этой земле, – я уже становлюсь сильнее.

Нам хватило всего несколько часов, чтобы полностью восстановиться.

Теперь у нас было время подвести итоги и поговорить, что называется, «за жизнь». Начал Вася Сорокин:

– Я вообще не понимаю, почему мы все вдруг кинулись жить по восточным гороскопам? – В возбуждении от слов, которые, видно, его очень сильно волновали, он даже привстал на своём надувном матрасе. – При чём здесь для нас восточный гороскоп? Вот ты кто, командир?

– Козерог³⁸.

– Может, в русском языке вы знаете название такого животного, как козерог? – в запальчивости, очень напрягаясь от значимости своих слов, продолжал Василий. – Есть медведь, есть бык, в конце концов, – есть лошадь...

– Конь с яйцами... – вставил Володя Зайцев.

– Ты о себе? – спросил Мордвинов.

– Овны, тельцы³⁹... Лет сто назад в русском языке таких слов вообще не было, – не обращая внимания на вставки, продолжил Сорокин. – Если и говорить о каких-либо символах, мы ближе стоим к друидам⁴⁰. Мы – выходцы из леса.

³⁸ В астрологии – десятый знак зодиака.

³⁹ В астрологии – соответственно первый и второй знаки зодиака.

⁴⁰ Обладатели тайных знаний, дававших им власть над людьми. Свои обряды исполняли в священных рощах или лесах. Существовало мнение, что там друиды

Человек стоит ближе к своему природному инстинкту, а не к придуманному зоопарку...

– Насколько я знаю, – заговорил Володя Зайцев, – друиды – это скрытность и обман, ложь...

– Нет, дорогой Зайчик! – продолжал Василий. – Бой друида должен быть скрытным для противника и невидимым для врага – это правда, но это не обман. Любое его действие – сочетание интеллекта, силы, живучести, ловкости и умения противостоять всем силам Зла... Чем это не наша оперативно-боевая группа?

– Точно! – опять вставил Мордвинов. – Немного магии, умения превращаться в животных... и перемещаться в пространстве...

– Хорошо, если бы им не нужна была еда!

– А без баб они обходятся?

– Да, я вам серьёзно говорю, вы послушайте! – перебивая всех, повысил голос Сорокин. – Я же не говорю вам, чтобы вы стали друидами, я говорю, что именно они ближе нам, чем японские знаки зодиака⁴¹ и ниндзя⁴²... – И пафосно продолжил:

– Почитать мать-землю и всё, что живёт на ней, полу-

проявляли свои необыкновенные способности: изменяли погоду, появлялись в облике животных, предсказывали будущее и превращались в невидимок.

⁴¹ В астрологии – последовательность участков, на которые делится пояс на небесной сфере вдоль эклиптики, по которому проходят видимые пути Солнца, Луны и планет.

⁴² «Скрывающийся» – разведчик-диверсант в средневековой Японии.

чая благословение и мудрость от природы и места, где ты живёшь. Умение адаптироваться под текущие потребности группы, привнесение своих знаний, что необходимы для выполнения поставленных целей. И важно между всем этим соблюдать баланс: интеллекта, живучести, силы, ловкости, знаний в зависимости от стиля боя и роли, предназначенной вам в группе...

Сорокин достал измятую пачку сигарет и с наслаждением закурил. Спорить, видно, уже никто не хотел. Друиды, ниндзя, даже душманы⁴³ сейчас никого особенно не волновали. Но каждый из нас и из этой беседы наполнялся силой и мудростью знаний каждого товарища, с которым ты сейчас делил хлеб, который мы несли в рюкзаках. Тем более Василий Сорокин... Он, пожалуй, наиболее опытный, прошедший уже не единожды афганскую войну. Белорусский хлопчык⁴⁴, оперативный работник, в совершенстве владеющий языком фарси, не особенно разговорчивый и, даже после командировок, – замкнутый, с удивительно нежными чувствами в семье, Вася был своеобразной лакмусовой бумажкой по правильному отношению к любым событиям в нашем коллективе. Часто по нему определяли, что такое – «хорошо», что такое – «плохо»... И чаще всего интуиция его не обманывала.

– Странствуя по свету, – почти докурив сигарету, сказал

⁴³ Участники вооружённых формирований Афганистана.

⁴⁴ Парень, мальчик.

он, – друиды несут в себе силы самой природы, дарующие жизнь и смерть. Меня больше всего поражает в истории о них, то, что они, с лёгкостью идущие к смерти, ради того, чтобы найти средство борьбы со злом, делают это во имя жизни... – Вася с яростью, одной последней затяжкой, до фильтра уничтожил своё курево и растёр окурочек в уже пустой пачке из-под сигарет.

– Заряжаться надо от деревьев, – вдруг сказал Геймур. – Кстати, это друиды говорят... Например, дуб имеет мощную энергию, которая придаёт силу и ясность мысли.

Мы с удивлением уставились на Володю Геймура, до этого молчаливо что-то строгавшего из ветки своим маленьким ножом.

– Сосна наполняет тело человека тяжёлой, плотной энергией. Но особое дерево, – продолжал он, – берёза...

Володя поднял взгляд на нас и продолжил:

– Да! Это особое дерево. Не каждый может получить от неё помощь – только тот, кто её любит, верит в неё, относится к ней с большой лаской. Кого берёза полюбит, тот всегда возле неё здоров будет...

Поговорили о деревьях и травах, о намечающейся командировке на Ближний Восток, о выделении садовых участков, о последнем походе в «Бычок» – это наш любимый ресторан в Балашихе – и ещё о многом-многом другом. За разговорами неумолимо приближалось время «Ч».

Наступила ночь. Подгруппы выдвинулись на исходные рубежи. В три часа ночи, когда до начала штурма оставалось двадцать минут, нас неожиданно сразили случайно открывшиеся обстоятельства!

Объект противника существовал уже несколько недель. Командир – Миша Журавлёв, был человек опытный и, кроме того, служил в одном подразделении вместе с нами. Он бывал с боевыми отделами и на учениях, и в реальных операциях. По характеру и знаниям Миша был такой же, как и мы, только за одним исключением: командир ОУЦа приказал ему, как профессиональному военному, заниматься солдатами. Это бойцы, которые тоже уже прошли серьёзную боевую подготовку и готовились к командировкам в Афганистан, как подразделения, обеспечивающие работу боевых отделов. Они были высокопрофессиональными военными. Да и сам Миша Журавлёв, имеющий хороший боевой опыт, прошедший Афган, придумал для нас оригинальную ловушку и усиленно нас в неё загонял... По его расчётам, всё было просто. Штабные машины, палатка для личного состава ночью оставались пустыми. Весь личный состав, в том числе и секретноноситель, и офицеры перемещались в заранее подготовленные окопы, хорошо замаскированные и достаточно уютные, чтобы провести там ночь. С наступлением темноты

караул ходил по территории и делал вид, что смену часовых разводит по местам дневной дислокации. Предполагалось, что если нападение будет ночью, то удар произойдёт по пустым палаткам и машинам, а уж группа спецназа окажется в окружении и будет уничтожена.

В Афгане с Журавлёвым произошёл очень неординарный, особый случай. Во время боевого столкновения с одной из банд духов он получил прямое пулевое попадание в голову... Пуля, поранив кожу, отскочила от черепа! Все были в шоке от произошедшего. Самого Мишу посчитали заговорённым и необычайным везунчиком. Но после этого к нему прикрепились прозвище «Железная Голова». К его умственным кондициям это никак не относилось, он имел не только острый ум и правильно мыслил, но и обладал хорошей памятью и широкими знаниями в военном деле, а вот удивительная крепость его черепа теперь уже всегда вызывала шутки и незлобивые подтрунивания. И вот именно Миша «Железная Голова» приготовил нам сюрприз.

Наши разведчики, которые провели рядом с лагерем целый день, ничего не заметили за всё это время. Ловушка почти сработала, если бы Юра не решил подобраться в темноте поближе к палаткам и почти случайно не наткнулся на окоп, полный людей. Уйдя незамеченным от окопа, он по экстренной связи сообщил об увиденном...

Теперь ступор был у меня. Подгруппы были на рубеже атаки и нацелены на «негодные» объекты. За пятнадцать ми-

нут я и радист группы, который единственный в это время находился со мной, «пропахали» на пузе полполя, успев переориентировать старших подгрупп. И ещё через пять минут в точно назначенное время взрывпакеты полетели не в палатки, как ждали обороняющиеся, а в окопы с личным составом. Сигналом для штурма стало уничтожение караула, бредущего на очередную смену в самом центре лагеря. Эффект от внезапности и слаженности взрыва одновременно двадцати взрывпакетов по всему лагерю вызвали хаос и растерянность на следующие десять минут: «Откуда? Почему здесь?»

В реальной ситуации такая атака уничтожила бы практически весь личный состав базы.

Халбаич и Серёга Шатилкин тащили немного оглушённого и, как оказалось, очень «сонного» секретносителя...

Все остальные взрывали штабные машины и устремлялись в разные стороны.

Но к месту сбора все подошли практически одновременно. Схватив рюкзаки, что напоминало передачу эстафетной палочки на стометровке, то есть никакой задержки, мы уже стремительно углублялись в гущу нашего спасителя – родного и уютного леса.

И опять – ноги, ноги. Любимое и самое главное упражнение спецназовца – бег.

Часть третья. Колодец

Исповедь советского офицера

Посвящается Борису Сынкову и всем советским офицерам, прошедшим дорогами афганской войны и сохранившим свои Честь, Достоинство и Великую Душу...

Засада

Нет в мире виноватых. Кто счастлив, тот прав!

Всю дорогу мы с Юрой Инчаковым обсуждали эту мысль. Мы не то чтобы были не согласны друг с другом, даже наоборот, согласны, но... спорили. Путь наш, который мы выбрали, был длинным, и времени поговорить, казалось бы, было предостаточно. Я сидел за рулём армейского уазика, а Юра, мой старинный и боевой товарищ, находился рядом на командирском сиденье.

– Счастье не зависит от других, ты и только ты сам или счастлив, или нет, – доказывал я, – это твоё состояние.

– А если рядом с тобой какой-нибудь чужак на букву «М», – возражал Юра, – с таким окружением счастлив не

будешь. Поэтому и состояние твоё подвержено влиянию извне...

Он остановился на половине фразы и замолк. Дорогу нашей машине перегородили духи! Когда я увидел их, во мне всё сразу оборвалось и полетело куда-то вниз. Я инстинктивно начал тормозить, пытаясь сообразить: «А что же делать?!» Но руки, независимо от сознания, доставали оружие. Прямо перед капотом нашей машины оказались три бородастых афганца с автоматами Калашникова наперевес. Появление советской военной машины в это время здесь их удивило не меньше нас. На загорелых до черноты лицах было написано: «Ваше время – день, наше – ночь! Какого... вы тут делаете?» «Хотя какая ночь? Солнце только начало заходить, – думалось мне. – Ещё наше время...»

Дорога Мазари-Шариф⁴⁵ – Кабул, на которой мы сейчас находились, шла через городок Ташкурган, в котором стоял шахский дворец с бассейном и большим фруктовым садом. Сейчас в нём обосновались мотоманевренная группа пограничных войск и наша оперативно боевая группа из ОУЦа⁴⁶. Мы с моим другом Юрой Инчаковым выехали из Ташкургана в Айбак минут сорок назад. Было ещё совсем светло. Но мы уже «опоздали» для безопасной дороги как минимум ча-

⁴⁵ Мазари-Шариф – четвёртый по величине город Афганистана, расположенный на севере страны. В переводе с дари – «благородная гробница», «величественная гробница». Столица провинции Балх.

⁴⁶ Отдельный учебный центр КГБ СССР, законспирированное название группы специального назначения «Вымпел».

са на полтора... И сейчас, когда мы увидели бородатые физиономии, это стало «очень понятно».

Почти новую машину за нами закрепили пограничники, и мы распоряжались ею как хотели, поэтому и ехали по своим делам. Нам сегодня очень надо было успеть попасть в Айбак, где нас ждал представитель советнического аппарата КГБ в этой провинции – Борис Сынков. Завтра начинаются мероприятия по подготовке укрытий и тайников для остающихся после вывода войск из Афганистана наших союзников, – это была здесь для нас с Юрой основная задача. Поэтому и хотели успеть обсудить ещё сегодня детали подготовки такого важного мероприятия.

«Мы сами себе всегда ставим задачи, возимся с ними, ковыряемся, опаздываем, а потом пытаемся расхлёбывать то, что сами же наворотили», – думал я, глядя на автоматы, медленно поворачивающиеся в мою сторону.

Дорога, которую делали наши советские строители какое-то время назад, была идеальной. Ровный бархатистый асфальт без единой выбоины и кочки. Наличие даже маленькой трещины на дороге вызывало удивление у афганцев, потому что они свято верили, что советские не должны делать плохо. Но такая гладкая и ровная дорога ещё больше вызывала удивление у нас: «Как наши строители смогли построить такую идеальную дорогу? Почему здесь она такая хорошая, несмотря на интенсивное движение даже танков, машин на гусеничном ходу и тяжеловесных КамАЗов, а у нас, в

такой же местности, например, в Средней Азии – ямы, кочки и... одни направления, а не дороги?» Из крепости Ташкурган лента шоссе, несколько раз поднимаясь на сопки и опускаясь к пересохшим маленьким горным ручьям, извиваясь, как след змеи на песке, добралась до этого маленького кишлака. Довела дорога до этого места теперь и нас. Кишлак из нескольких кибиток мы уже проезжали не раз и знали его хорошо. После крутого подъёма в горку и пары резких изгибов вниз за скалой резко появлялся небольшой оазис с мостиком через речку, стекающую откуда-то с вечного ледника талой прозрачной водой. Здесь, рядом со свежестью влаги, росли большие деревья – это были тополя, и уютно расположился десяток домиков местных жителей, построенных из глины и самана. И вот, как обычно, из-за неожиданного и резко появляющегося поворота наша машина на полном ходу очутилась в этом самом раю и выскочила прямо в середину их банды...

Узик цвета хаки – явно военный. Физиономии наши – явно русские, да ещё и в советской форме. Из окон торчат автоматы, на стволах которых для пущей убедительности противника – подствольные гранатомёты. На передних боковых дверях машины висят тяжёлые бронежилеты как защита от пуль.

– Картина маслом, называется «Приплыли...», – проговорил Юра, тоже подтягивая поближе автомат. – Вон, смотри, впереди гражданский автобус... По-моему, они его грабят...

Действительно, впереди, на небольшой площадке перед мостиком через реку, стоял весь разрисованный, в картинках и фонариках, как новогодняя ёлка, автобус местных линий. Вокруг машины на корточках в тени сидели лицом к автобусу по кругу пассажиры под присмотром нескольких автоматчиков, а наверху, на крыше чудо-машины, стояли два вооружённых бородача и ковырялись в вещах. В таком положении застыли на крыше и эти двое, согнувшись и уставившись на нас, держа в одной руке какое-то тряпье, а в другой оружие...

– Что делаем? Стреляем? – неуверенно спросил я у Юры, продолжая медленно двигаться прямо на вооружённых людей.

– Ты чё! Пока нет... Улыбайся!

Я стал улыбаться, как будто бы ко мне приехала любимая тёща, а сам продолжал направлять машину прямо на стоящих впереди меня грабителей... Плана, как выбраться из такой ситуации, у нас не было никакого. Духам ничего не оставалось, как медленно отходить в сторону от нашей наглости идвигающегося прямо на них транспорта. Они нехотя расступились и оказались по обе стороны уазика. Мне в лицо, буквально в метре от головы, смотрел ствол автомата одного из афганцев. Я успел заметить, что его оружие на предохранителе. Правда, как это должно помочь мне в данной ситуации, я ещё не представлял. Ему в лицо был направлен ствол моего автомата, и в том же направлении смотрела значительных размеров дырка от подствольного гранатомё-

та, приспособленного на моём оружии. В коротеньком стволе этого гранатомёта, я знал это точно, торчала заряженная граната, именно с которой дух и не сводил взгляда. За это мгновение я лишь успел заметить, как расширились зрачки его глаз от вида белеющей алюминиевой оболочкой гранаты, а его чёрные глаза становились глубокими и понимающими. Я успел снять автомат с предохранителя и даже смог передёрнуть затвор ещё тогда, до момента, как мы только появились перед бандой и по инерции вкатывались на эту площадку перед кишлаком. Благо и у меня, и у Юры автоматы лежали прямо на коленях, и пользоваться ими мы умели. Произошло это механически и мгновенно, так что стрелять мы были готовы, но...

Несколько мгновений мы с бородачом смотрели друг на друга. Я не представлял, что мне предпринять. Кто он? Враг, душман или случайно оказавшийся здесь человек? Я успел разглядеть в его совершенно незнакомых и, как оказалось, очень живых глазах только недоумение, любопытство и, одновременно, зарождающийся в глубине страх. Наверное, и в моих глазах он увидел то же. Я чувствовал, что с правой стороны Юра также глаза в глаза уставился на двоих проплывающих с его борта бандитов. В это мгновение мы все оценивали силу и готовность стрелять и умереть... Проверить крепость своих нервов и выдержку. Кто первый нажмёт на спусковой крючок?..

– Ассалям алейкум⁴⁷... – услышал я справа, голос Юры. – Чпурости? Хурости⁴⁸?..

Но за бортом машины молчали. «Это плохой знак», – подумал я и продолжал тихонечко давить на газ. Машина медленно, как струйка воды, пробирающаяся по сухой земле, проталкивалась сквозь людей. Через какое-то мгновение впереди на пути уже никого не оказалось, все так и остались сбоку и сзади. И я, ещё до конца не осознавая и не веря в происходящее со мной, судорожно стал давить на газ изо всех сил, а машина, как-то непослушно и медленно, начала, как будто капризная, набирать скорость и окончательно выбралась из толпы...

– Выстрелят или нет? – мы оба одновременно задали вопрос друг другу.

Юра всем телом развернулся и стал смотреть в небольшое окно сзади.

– Эти проклятые конструкторы автомобиля УАЗ специально сделали такое маленькое окошечко, в которое можно было бы только подглядывать за бабами на речке, а уж никак не вести наблюдение за противником, – запричитал он, как старик, разбитый радикулитом. Его положение было неестественным и неудобным.

А я продолжал со всей силы жать на газ, сам стараясь одновременно что-то рассмотреть в боковом зеркале заднего

⁴⁷ Здравствуйте (*фарси*).

⁴⁸ Как дела? Как здоровье? (*фарси*).

вида. Но зеркала от дороги и усиленной работы мотора так дрожали и прыгали, что пейзаж с автобусом тоже дёргался и разобрать ничего, кроме общей картинки, было невозможно.

– Ну, что там? – заорал от напряжения я. – Вроде пронесло?

– Не знаю пока... Подошли друг к другу и совещаются. – Юра встал на колени на сиденье и разглядывал происходящее через маленькое окошечко заднего вида и на всякий случай тянул за собой автомат.

Машина, набирая скорость, уходила уже на следующий серпантин, который начинался сразу же за кишлаком... «Картина маслом» с автобусом у реки закрылась скалой, как занавесом в театре. Скрывшийся из виду автобус вызвал у нас одновременный вздох облегчения...

Это уже было время, когда наступил определённый спад боевой активности. Советское правительство объявило о выводе войск или, как нас называли, «ограниченного контингента», из страны. Противная сторона, чтобы не злить «русского медведя», тоже сократила свою активность. Все ждали официального окончания войны, к бессмысленной стрельбе со смертями и демонстрацией принципов воинской доблести уже никто особенно и не стремился.

Минут двадцать, не проронив ни слова, мы ехали по дороге, которая продолжала петлять, то поднимаясь в гору, то опять спускаясь в долину.

– Они же автобус грабили! – вдруг охрипшим от волнения

голосом заговорил Инчаков.

– Да... – протянул я, понимая те мысли, которые были в голове у моего друга.

– Обидно... Мы же ничего сделать не можем, – продолжил Юра. – На глазах у тебя такое происходит, а мы ничего сделать не можем. Да, ситуация...

– Ну, мы действительно ничего сделать не могли, – неуверенно заговорил я. – Почему они не стали в нас стрелять? Они бы легко нас убили. Их там человек двадцать было. Что, они не видели, что мы только вдвоём и на дороге, кроме того несчастного автобуса, больше никого не было. Слушай! А может, действительно у них где-нибудь на ближайшей горке даже наблюдателя не было? Ведь они тоже застыли от удивления, не ожидая нас увидеть... Если у них был бы наблюдатель, они бы так не растерялись, когда появилась наша машина. Или спрятались и пропустили нас незаметно, или не пропустили бы ни при каких обстоятельствах. А так, как-то случайно всё и произошло: и для них, и для нас...

– Может быть, это не душманы? А какой-нибудь отряд самообороны...

– Точно, а пока самообороняются, вещи для жён своих подбирают.

– А тут сегодня и не разобрать, кто за кого воюет. Автоматов у всех больше, чем галош, стало. Галош, как и раньше, по одной паре так и осталось, а автоматов – у каждого теперь по три штуки...

– Точно, а поскольку этот крестьянин автомат купил, его теперь опробовать надо. И, опять же, с его помощью денег заработать. Поэтому вышел на дорогу и... заработал.

Мы стали смеяться от этой никчёмной и бессмысленной полушутки, как будто бы от искромётного юмора известного сатирика. Ещё бы – давало знать себя напряжение от произошедшего с нами. Нервная дрожь начинала передаваться в мои руки, держащие руль. Я от этого давил на газ с такой силой, что, казалось бы, мог продавить полмашины. Скорость, которую набрал уазик, мы даже не замечали... Машина мчалась по абсолютно пустой дороге с какой-то невероятной скоростью. Ещё немного, и мы взлетим...

– Раньше все до одного здесь крестьянами назывались, – оживлённо говорил Юра. – А теперь все они воинами стали. Знали бы наши руководители десять лет назад такой расклад, сто раз бы подумали, стоит ли затевать это перевоспитание на социалистический лад. Или было бы лучше оставить так, как было...

И мы опять хохотали чуть ли не до слёз...

За разговорами и мыслями дорога летела дальше, и мы, уже на самом закате дня, когда солнце действительно начало скрываться за горизонтом и стало совсем темно, въехали во двор уже знакомой нам виллы в городке Айбак. Здесь проживали несколько человек из советнического аппарата КГБ, где нас и встретил Борис. Он был важной персоной в этом маленьком городке на дороге между Советским Союзом и сто-

лицей Афганистана Кабулом. По крайней мере, мы с Юрой так считали. По всем понятиям место это – глушь. Глушь и от военных событий, и от политики, которая строилась нашими «вождями», и от промышленности, и от сельского хозяйства, и от наших руководителей, живущих тем более не здесь, поэтому и не особенно представляющих, что же это за пространство такое? В этом месте просто проходила дорога. До перевала Саланг, где возникали основные проблемы на трассе, было ещё очень далеко. Но было уже далеко и от границы через реку Амударья с родной страной. Большинство, из военного начальства в этом месте, – не задерживалось, предпочитая ехать дальше. И каких-либо наших значимых воинских подразделений здесь тоже не было. Сам город как город, тянул на этот статус с большим трудом. Вокруг реки – зелёная зона с деревьями и кустарниками. Арыки с мутной и холодной водой и поля вокруг построек. Все дома из глины с длинными дувалами⁴⁹ вдоль улиц, которые, было такое ощущение, выстроены очень торопливыми строителями: все – неровные, разновысокие и иногда даже недостроенные.

Встречающий нас офицер был парнем неординарным, наверное, именно поэтому и попал в такую глушь и практически на самостоятельную работу. Он москвич, недавно окончивший КУОС и обладающий к тому времени уже немалым опытом оперативной работы в территориальном управлении Москвы, пришёлся для этого места как нельзя кстати. Он

⁴⁹ Глиняный забор.

был в меру инициативен, без дурацкой заносчивости и выпячивания, в меру опытен, чтобы не нервировать начальство своими наполеоновскими планами, например, как сразу одним ударом победить всё банддвижение в Афганистане, и достаточно умен, чтобы не требовать для себя каких-то особенных условий. По крайней мере, в момент начала командировки начальство его воспринимало именно так... Борис, так звали этого парня, был примерно того же возраста, что и мы с Юрой.

Его открытая улыбка сразу же располагала к откровенному разговору. И мы ещё в первую нашу встречу решили для себя, что именно он для выполнения небольшой боевой задачи, которая нам была поставлена руководством, является самой лучшей кандидатурой.

– Вы что так припозднились? – сразу же начал выговаривать нам Борис и ехидным саркастическим тоном продолжил: – Я понимаю, вы, конечно, очень крутой спецназ, но в этом, кажущемся очень спокойном месте как раз всё очень и беспокойно...

Боря как будто бы откуда-то узнал или почувствовал, что с нами в дороге что-то произошло. Наверное, поэтому так испытующе и пристально нас разглядывал...

– Ну что, нормально доехали? – всё же спросил он.

Мы с Юрой, не сговариваясь, решили о той ситуации пока не распространяться... Да и никакого героизма за собой не чувствовали. Ну, влетели на полной скорости в банду, ну,

дураки, сами виноваты. Надо было хотя бы на час раньше выезжать. Ну, не перестрелялись чуть-чуть по своей же глупости. Спасибо Провидению! Духи растерялись, машина не заглохла, камень с горы внезапно не упал, и поэтому – от неожиданности – никто не испугался и не начал стрелять, я на газ давил... Короче, пронесло, а значит, в нашей судьбе ещё не всё так плохо, поэтому и будем молчать, сохраняя эту удачу.

– Да всё нормально, Боря, – как всегда широко улыбаясь, обнял местного опера Юра. – А припоздали потому, что вон он всё карты у пограничников изучал...

Юра кивнул на меня и, уводя разговор от главного, дал мне дальше шанс рассказать какую-нибудь небылицу об опоздании.

Мы уже несколько недель жили в землянках той самой крепости Ташкурган, откуда только что и приехали. Условия для сохранения жизни, с точки зрения безопасности нашей подгруппы, лучше не придумаешь. Высокий, метров десять или даже в некоторых местах выше, толстенный забор крепостной стены, который легко при необходимости выдержал бы прямое попадание артиллерийского снаряда, и глубоко укрытая посередине крепости под вековыми деревьями наша землянка позволяли быть уверенными, что никакая случайная или даже специально выпущенная в нас пуля врага никого и никогда не достанет. Вооружённая охрана из хорошо подготовленных психологически и физически солдат

и офицеров-пограничников дополняла уверенность в нашей силе. Поэтому находиться там внутри, и особенно жить, было совершенно безопасно. Правда, стрельба с наступлением ночи, как напоминание, что ты на войне, – была знатная. Небо вокруг крепости окрашивалось трассерами пуль, идущими с гор в сторону города и крепости. Это было красиво, нелепо и страшно. Но через несколько дней своего пребывания мы привыкли, конечно, насколько это было возможным, и к стрельбе, и к раскрашенному от трассеров небу. Пули пугали, но до нас они не долетали...

– Мы с начальником мотоманевренной группы изучали карты местности вдоль дороги до Айбака, – начал в свою очередь рассказывать я. – Ну вот и засиделись... Да ладно, главное – доехали.

– Ну, не хотите говорить, не надо! – сделав вид, что обиделся, сказал Боря. – Давайте проходите, я вас давно жду. На базаре арбуз и дыню специально для вас купил, ну и всё остальное тоже приготовил...

Двухэтажная вилла, сделанная из бетона, неведь каким образом и кем построенная среди остальных земляных строений и с заросшим до безобразия садом, в котором невозможно было бы пролезть, не поранив тела, была как место для проживания – тоже безопасной. Конечно, безопасной по меркам Афганистана... Недалеко от этого домика стоял пост какого-то армейского подразделения. Ворота и улицу охра-

няли солдаты оперативного батальона местного МГБ⁵⁰. Боря предусмотрительно жил на первом этаже. На окнах – противогранатные сетки, и они занавешены армейскими одеялами, чтобы свет из комнаты не проникал наружу. После скудного убранства нашей землянки даже эти аскетические условия показались нам царскими. Большой стол, застеленный газетами вместо клеёнки или скатерти, был уже уставлен предусмотрительным хозяином тарелками, кружками и яствами этого края. Буханка хлеба местной выпечки из соседней войсковой части, открытая банка минтая в томатном соусе, невесть откуда добытый кусок сала, лук и издающая невероятно аппетитный запах большая алюминиевая кастрюля макарон с тушёнкой. Из неё поднимался ароматный парок только что приготовленного блюда.

– Макароны по-флотски! – одновременно с наслаждением выдохнули мы вместе с Юрой. И чуть не захлебнулись слюной. – Слушай, как есть хочется!

– А ещё больше – выпить! Боря! Какой ты хозяйственный и заботливый! – кинулся обнимать хозяина Инчаков, увидев на столе бутылку «Столичной».

Борис неожиданно для нас засмутился и покраснел. Он оказался ещё и очень незаносчивым парнем. Про него мы с Юрой знали совсем мало, поэтому всё, что происходило с ним и прямо на наших глазах, воспринимали как нормальные человеческие отношения. Да и ему от нас, как мы

⁵⁰ Министерство государственной безопасности.

предполагали, ничего было не нужно. Он просто был нормальным человеком, встретившим людей его же профессии здесь, далеко от родной Москвы. Приятно, что судьба послала нам именно его. Посидеть, выпить, поговорить с близким человеком – что ещё надо для маленького афганского счастья?! А для нас с Юрой, для которых час назад всё это могло бы так неожиданно и, главное, навсегда закончиться, это сейчас стало особенно ценным. Меня только сейчас начало понемногу отпускать от неведомого до сих пор озноба и осознания опасности произошедшего...

Первые тосты и еда, как нам на голодный желудок показалось, приготовленная мастерской рукой повара от спецназа, вскружили голову. Водка расслабила и повела в разговоры на лихую тему о войне в Афганистане и о жизни вообще. Где же ещё поговорить, как не за дружеским застольем?

Борис, несмотря на свою недавнюю переквалификацию из оперов в спецназовцы, оказался удивительным по своей глубине, философски заточенным и уже сформировавшимся специалистом в борьбе с бандформированиями в Афганистане. Он рассуждал здраво и доказательно. Он, оказывается, был абсолютным приверженцем «Вымпела».

– Вам повезло, – говорил он. – Вы сегодня представляете подразделение как необходимую часть разведки в целом. ОУЦ окончательно оформился как самостоятельное подразделение лишь в последнее время. Его задача сегодня и здесь – подавление воли противника. Постепенное форми-

рование в психике врага чувства безысходности и тщетности его усилий. Порождение животного страха. Ваши удары должны напоминать уколы фехтовальщика. Незначительные на первый взгляд с точки зрения материальных затрат, они должны наносить огромные потери противнику...

– Боря, ты очень преувеличиваешь наше значение, – улыбаясь, возражали мы.

– Ничего не преувеличиваю, – говорил Борис. – В исторической ретроспективе первые отряды «Вымпела» просматриваются уже в Отечественной войне 1812 года, где руководство отрядом осуществлялось из армии, командирами отрядов были проверенные отчаянные офицеры... «Вымпел» нельзя рассматривать утрированно, как некое другое подразделение. Здесь уместно такое сравнение, как, например, полотно «Мадонны» со всей живописью в целом. Полотно – лишь материальный частный случай воплощения живописи как таковой. «Вымпел» же следует рассматривать как «живопись» в целом. То есть как веками отшлифованную функцию государства, осуществляемую для своей защиты. И в этом смысле «Вымпеле» бессмертен. Ибо он существует как осмысленная функция государства.

Мы с Инчаковым переглянулись, удивляясь сложности и поэтичности слов Бориса. Неужели на него так водка действует? Но то, что он начитан, интеллектуален и образован – это факт. А где ещё не пофилософствовать и не поговорить, как за хорошей выпивкой с друзьями?! Да и, видно, Борис

соскучился по своим. Ему очень хотелось рассказать обо всём, чем он здесь жил. Понятно было, что общением с соплеменниками он здесь не избалован. Да и мысли, которые высказывал капитан, были нам близки. Их наукообразность немного смущала и была здесь как-то неожиданна, но мы с Юрой соглашались с ним. Мне в этот момент было так хорошо, что я готов был согласиться с чем угодно. А он, видя наше понимание и поддержку, всё больше распаляясь, говорил:

– Как только в истории притупится востребованность в таком подразделении, как «Вымпел», он как мудрый опытный разведчик растворится в историческом ландшафте... В этом он подобен утреннему туману, который по мере наступления дня исчезает, растворяясь в небесной синеве, чтобы в нужное время вновь укрыть землю, а с ней и молодые зелёные побеги...

– Да ты поэт, Боря! – сказал Юра. – Тебя тут воевать оставили, а ты, наверное, стихи пишешь?

– Нет, не пишу, кроме оперативных справок, честное слово, ничего больше не пишу, – продолжил он, нисколько не смутившись. – Я хочу, чтобы наша работа пользу приносила, и чтобы начальники наши такие же мысли имели. Поэтому я и говорю, что не надо обольщаться. Как туман образуется на пропитанной влагой почве, так и в государстве, пропитанном имперской идеей – российской ранее, а советской сегодня, – это как исходный материал для взращивания подсо-

знательно таких людей. Нужно неусыпно следить за «влажностью», важно понимать, что «Вымпел» – лишь материальное воплощение той идеи, которая, раз сформировавшись как необходимая функция защиты Отечества, уже не умрёт. Как конструкция и технологические карты танка Т-34. Настанет грозный час, возникнет суровая необходимость, – и тысячи молодых ребят будут востребованы государством и снова грозно встанут на его защиту. Вот тогда и понадобятся те «технологические карты», чтобы не изобретать долго и мучительно всё, что уже пройдено и выстрадано. Главное, не утратить бы этот невосполнимый ценный опыт. А утренний туман с приходом дня растворится в пространстве, образовав облака. Они ещё разразятся весёлым ливнем, земля снова наполнится влагой и своей силой, суть потенцией, чтобы в означенный час вновь вернуться утренним туманом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.